

АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ МАКАРОВ

ПАРШЕК

Мемуары и не только

**ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ОДНАЖДЫ
ПОБЫВАЛ НА НЕБЕ
И ВНОВЬ ВЕРНУЛСЯ НА ЗЕМЛЮ**

Москва
2017

*Дорогим Учителю
Парфирию Корнеевичу Иванову
и 70-летнему юбиляру
Анатолию Макарову
посвящается*

Это НАСТОЯЩАЯ история о том, как Учитель Иванов за два дня перед своим Уходом (10 апреля 1983 года) отправил Анатолия ко Господу Всевышнему и позаботился о том, чтобы он смог рассказать об этом людям, а Максима отправил к своему отцу в Ад.

Эта книга в точности повторяет записи видео-встречи с Макаровым Анатолием Николаевичем, записанной 22 июня 2008 года Александром Сопроненко.

Текст был набран Панюшкиным Игорем Анатольевичем, отредактирован и одобрен Анатолием Николаевичем.

Слава Жизни!

*Люди Господу верили как Богу,
А Он сам к нам на Землю пришёл.
Смерть как таковую изгонит,
А Жизнь во Славу введёт!
Где люди возьмутся на этом Бугре,
Они громко скажут слово:
Это есть наше Райское место,
Человеку Слава Безсмертна!*

Учитель Иванов

Паршек — так ласково звали в детстве Парфирия его дедушка и родители. «Вожак у вас есть Паршек, веха всему этому. Паршек низко всем кланяется, просит нас всех за это дело браться и делать в Природе без конца и края, тогда-то мы умирать не будем; жизнь та, которая была, она вернётся назад». Из тетради Учителя Иванова «Паршек. Мой Подарок молодёжи», 1983 год, стр. 7

*Чтоб Бога знать, быть должно Богом.
Но, чтоб любить и чтить Его,
Довольно сердца одного.
Иван Крылов*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Первая встреча: «Я тебя ждал всю
свою жизнь»*

натолий, расскажите, пожалуйста, о Вашей встрече с Учителем Парфирием Корнеевичем Ивановым? Когда, как и при каких обстоятельствах вы встретились?

— Значит, я работал в ремонте квартир, паркетчиком и, где-то в 1978-79 году, попал в семью: это были Гена Кисляков и его отец, мать и сестра. Семья очень приветливая, доброжелательная; очень приятные люди, с которыми очень приятно иметь дело. И я их спросил, что вы все время босиком ходите? И все приятные слова друг другу говорите? Я и говорю:

— Ребята, почему вы такие все подобрались?

— Мы не подобрались, — они отвечают. Мы были у Парфирия Корнеевича. И тут они мне рассказали историю: Отец Гены, Кисляков, как бы сказать, был генералом у нашей медицины, как я понял. Он, значит, заведовал поставками лекарств в аптеки и больницы. А сын его Гена, он попал; такой не в отца, карьеру делать не хотел, начальством большим стать не хотел. Он был такой шалопутный парень, ему нравилась музыка, застолья. Поэтому отец, видя его наклонности, пристроил его работать в ресторан, причем, в хороший ресторан в центре Москвы. И отец ему купил за рубежом, несмотря на то, что это были 74–75 годы,

через заграничных наших представителей, которые работали в дипломатических посольствах, электронный орган. И парень стал в ресторанах на этом органе играть, что было не сложно, и музыканты стали хорошо получать: без 50 рублей каждодневно не возвращались домой. И от всех этих дел, приемов, за четыре года, он сильно заболел. У него перестала функционировать печень.

Начался цирроз печени. Т. е., если у нас белки глаз белые, то у него они стали желтыми, а потом зелеными. Ему стало страшно плохо, и он с великим трудом ходил по дому, появилась отдышка, хотя ему было всего 25 лет.

Что делать? Отец имел большие связи в медицинской стихии. Он давай звонить знакомым, мол, сына спасайте. Его кладут на обследование. «Но что мы можем сделать с печенью?», — говорят врачи. «Она вся расплзается, разрушается». Короче говоря, что только он не делал: они включают искусственную печень, очищают кровь, а кровь берет продукты распада со всего организма, проходит через печень, оставляет их там. Короче, у него был белый кал, красные кровяные тельца почти не поступали, печень не функционировала. Ему сделают прочистку крови, — ему плохо. Два-три дня нормально, потом опять плохо, затем опять делают очистку крови. За несколько месяцев он дошел до того, что похудел с 75 до 40 килограммов, что его ветром качало.

Отец запаниковал, — единственный ведь сын. Тогда он кинулся в Академию наук СССР, — «спасайте моего сына». Академики и профессора, посмотрев историю болезни и карты его лечения, которое тогда уже соответствовало лучшим мировым методам лечения этой болезни, пришли к выводу, что современная медицина была бессильна бороться с такой болезнью. Но есть выход: в Союзе есть один феномен, то, что он творит — это фантастика, он может помочь, он вылечивает любую болезнь!

Это был Парфирий Корнеевич Иванов!

Надо было написать ему письмо. И если Он согласится, то привезите ему своего сына, т.к. больше никто ему не сможет помочь; медицина

и наша и зарубежная была уже бессильна. Вскоре они получили положительный ответ от Учителя: «Привозите сына».

И отец Гены Кислякова на своей персональной Волге поехал с ним к Парфирию Корнеевичу. Везли они его три дня, т. к. малейший толчок или тряска могли очень плохо отразиться на здоровье этого Гены. Ведь больному в то время запретили пользоваться общественным транспортом, только такси, подниматься не выше второго этажа, потому что он может потерять сознание и упасть, покалечиться или разбить голову на ступеньках.

Довезли они его к Учителю на хутор Верхний Кондрючий чуть живого. Это была зима, и мороз на улице был -8 градусов, кругом лежал снег.

Парфирий Корнеевич выходит из калитки к машине, и они все начали из машины выходить; шофёр, мать и отец Геннадия, и сам больной Гена. Учитель подходит к нему и называет его имя, и то, что он приехал из Москвы, а также назвал по имени его мать, отца и сестру и добавил, что он ему поможет избавиться от этой болезни, но «будешь делать все, что я тебе скажу».

— Первым делом, раздевайся сейчас до трусов, спускайся в овраг и вылей на себя два ведра холодной воды, после чего стой и обсыхай, чтобы вода на тебе сама высохла, — говорит Учитель.

Гена говорит:

— Мне только в тёплой комнате можно находиться.

Тогда Учитель отвечает:

— Я за тебя берусь. Делай, как я сказал.

Гене некуда было деваться: «или околеть в этом овраге, или обливаться». Учитель добавил, чтобы никто с ним не ходил в овраг, он сам справится. Геннадий снял импортную дорогую дубленку, снял одежду, взял два ведра, босиком спустился к колодцу, набрал воды и вылил одно ведро, и подумал, что сейчас сдохнет, затем второе, думая, что ему, вот сейчас, придет конец. Но, постояв и обсохнув, поднялся наверх и зашел в дом. Учитель вместе с Валентиной Леонтьевной попросили рассказать

ему всю его жизнь. И Гена все ему рассказал как на духу.

Парфирий Корнеевич сказал:

— Жить ты у меня будешь 8 дней, и все будет у тебя нормально. При этом Учитель положил, как обычно он это делал при своём приёме, одну руку на голову, другую — держал за кончики пальцев ног. А Валентина после приема сделала Гене массаж, хотя тот страшно испугался, говоря, что у него печень расплзется мгновенно. Но, естественно, этого не произошло, а, наоборот, через него пошла сила. Она пошла через голову, грудь, живот и ноги, и с собой унесла всю болезнь, как бы, промыла весь организм, и выбросила её из него. Гена встал и говорит: «Перед этим у меня все болело, ныло, я стонал, о, Господи, сейчас все нормально!»

Учитель ответил:

— Так. Иди в столовую. А Валентина борща ему жирного с куском сала поставила.

Гена опешил:

— Да мне можно только творожок, сухой белый хлеб.

— Я тебе сказал. Иди! — такой был ответ Учителя.

Гена думает про себя: «вот сейчас я это съем и подохну...»

А Учитель рядом стоит и говорит ему:

— Ты съешь борщ и не подохнешь, будешь жить и жить.

Гена растерялся, «он чует и видит мои мысли». Он съел этот борщ со сметаной, в котором, как Гена вспоминал, в толщину с 2 пальца жира плавало. И захотелось ему через часик в туалет. До всего этого, раньше, у него кал был светлый. А после Учителева борща и приема у Геннадия стал кал красный! Он сразу понял:

— Я выздоравливаю!

Учитель ему сказал, после этого борща пять дней не пить и не есть. И ему, действительно, не хотелось ни пить, ни есть, никакого желания принимать пищу не было, хотя люди сидели в Доме Здоровья и ели. Через пять дней он опять покушал, и кал вновь был красный.

— Значит, я выздоровел, — подумал Гена. И вся эта семья молилась на Парфирия Корнеевича как на Бога, т. к. он сотворил чудо! По-друго-

му это назвать нельзя.

И я им сказал, когда выслушал этот рассказ с воодушевлением:

— У вас было удивительное явление в жизни!

Я был поражен этой историей и теми людьми, с которыми я разговаривал. И я решил записать адрес Парфирия Иванова; вдруг когда-нибудь он может пригодиться, если не мне, так кому-то. Это было где-то в 1978–79 году. Я записал: Хутор Верхний Кондрючий, ул. Садовая, 58, г. Свердловск, Ворошиловградская область, всё как положено.

И вот в 1978 году я получил квартиру, я стал работать в ДЭЗе, чтобы не ездить на работу по всей Москве 2–4 часа — туда и обратно. Зарплата в то время была неплохая 216–220 рублей, плюс можно было подработать, правда, вечерами. Пришёл в ДЭЗ, а там собралась гоп-компания. Это были отбросы самого низкосортного уровня, шушера высшей пробы, что «не дай бог». Ты им делаешь доброе дело, тебя обворуют тут же или гадость про тебя расскажут. Но не сказать, что все были такими. Было несколько приличных людей, с которыми дело иметь можно.

Получилось так, что я с этими плохими людьми сильно повздорил. Они сильно травили одну бабёнку, Истомину Валентину Викторовну, они давали ей самые поганые клички, травили её, с ней никто не считался, её оскорбляли и угрожали. Она по натуре была «мокрая курица», всё терпела и не реагировала. Ей надо было навести порядок, приказать; отказываешься выполнять указания, — наказать!

Например, у меня за неделю было 120 заявок, причём, с отличным качеством работ мною выполненных, а у этих тунеядцев — всего по 2–3 заявки, да и то не у всех; двое категорически отказывались работать; это были Дударев и Просин-цыган. Я их всех обрабатывал. И когда у них от пьянки начиналась ломка, они приходили ко мне, перепьются, двое тянут третьего, у которого ноги волочатся по земле, и они уже никому не нужны, говорят, что у Петьки четверо детей, сердце зайдется у него, тот трясётся весь.

— Толик, спаси, налей ему стакан, иначе ему конец, — они меня просят.

Мне мой дядя Миша из Сочи присылал хорошее домашнее вино. Ну что, думаю делать с этими «экземплярами».

Но я им говорю:

— Я вижу, что вы пьёте, но вы не закусываете. Плохо ему, — пожалуйста, — я налью ему. Я не как вы. Но, первым делом, вы у меня покупаете. Я видел, как вы две недели не закусывали.

Всем я им налил по миске, борща, супа, пожелал им хорошего аппетита:

— Если миску съедаешь, наливаю тебе 200 грамм хорошего вина, скушаешь второе, — с салом и порезанным огурчиком, или рыбу с рисом, или котлету, — еще двести грамм налью. И сколько ты не доешь, столько тебе не долюю.

И я вам скажу, что эта гоп-компания, по моим расчетам, забегала ко мне раз, эдак, 200 раз! И мне было их жалко, их семьи несчастные, которые сидят без денег. Все эти обеды я заканчивал словами:

— Ребята, прекратите вы пить эту дрянь! Страна развалится, если вы будете целыми днями пьянствовать и не работать. Я же один за вас работаю.

А они говорят:

— Прав, ты прав, мы сейчас завяжем.

А на следующий день они мне какую-нибудь гадость сделают. Кро-ви попили они у меня хорошо. Говорили, что «как в ресторане посидели», а сами обязательно гадость делают. Говорят на меня всякую ахи-нею, что я мол, «кошек трахаю». А один мужчина им сделал замечание, так они и на него говорили, что «он бегемота трахает». И довели меня уже до того, что я уже заболел. И заболел очень крепко. Дошло до того, что как только увижу их рожи, — у меня тошнيلовка в горле подходит, слышу их голоса — меня буквально выворачивает. Т.е исключительно порядочный человек; не пьющий, не курящий, работяга редкостный, попал к полным бездельникам и деградантам, и это очень тяжело для психики нормального человека. К тому же я еще за них работаю, я их обрабатываю; они нули, их просто можно взять и выкинуть с работы,

без вопросов, — они не нужны.

И я тяжело заболел и так заболел, что я захотел их сжечь заживо! Достали они меня! Доходило и до драк!

Т. е. я исключительно порядочный человек: не пьющий, не курящий, работага редкостный, попал к полным бездельникам и деградантам. И это очень тяжело для психики нормального человека.

Я решил так: поставлю ведро бензина, вылью на них, спичку кину, дверь захлопну; пускай горят. Немного очищу мир от такой погани.

И вы знаете, один день прихожу с бензином вечером, а у них там пьянка очередная, самогонный аппарат на 200 литров стоит, захожу, а там два посторонних человека; за что им-то гореть — нормальные люди. Решил отложить с бензином. Проходит еще день, а с ними опять посторонний человек; я бы их сжег.

И в это время приходит письмо от Парфирия Корнеевича: «Приезжай немедленно!»

— Да, от греха вас просто Учитель отводил.

— Да, я писал Учителю, что сильно заболел, и никто не может помочь. У нас есть онкологический центр на м. Каширская, я там всех врачей прошёл в 1983 году, там оборудование было наивысшего класса, меня там всего прокрутили, проверили (ну, конечно, по блату), сказали, что у вас все нормально. А я задыхаюсь, я ночами не сплю. Я увижу их, услышу их голоса, у меня рвота сразу, но не рвет, а мутит страшно. И на работе от них никуда не денешься. В это время мастер Истомина уходит, а мне нормальные люди на работе обо мне говорили «Павка Корчагин», «Железный мальчик», ты здесь единственный работник, всё на тебе держится, говорили мне нормальные люди.

Поехал я на Украину. Я взял с собой подарки: колбасы, 3–4 круга краковской, мяса несколько килограмм, окорока около полтора килограмма, конфеты хорошие, чай разные. Приезжаю. Дорогой мне было так плохо, что кладу кошелек и забываю о нем; у меня в глазах всё плывет, качается. Думаю, мне бы только доехать, а то сейчас умру прямо в поезде. А в это время, думаю, мой кошелек прихватил мужик, который

ехал на нижней полке в моём плацкартном купе. Я у него спрашивал, не он взял мой кошелек, мужчина мотал головой только, не говоря ни слова. Я подумал, что моя болезнь за такой его поступок перейдёт на него. Разве так можно себя вести, в дороге, тем более, человек остался без денег. Правда, у меня оставалось всего рублей семьдесят.

Я вышел в Дебальцево, мне худо, там какая-то электричка, я на ней доезжаю до города Свердловска-6, станция Должанская. Вдруг я увидел, что продают мороженное, а у меня все горит, я задыхаюсь. Взял две порции мороженого, а до этого я дня три ничего не ел. Одну порцию я слизал. Вторую уже не могу. Но боли стали стихать. Спрашиваю, где здесь хутор Верхний Кондрючий. Никто ничего не знает. Тогда спрашиваю, где живет Парфирий Корнеевич Иванов.

— А, это Боги! Хутор Бога!

— Как Бога? Почему Бога?

— Мы его зовем Хутор Бога.

— Так вот, давай на этот вот автобусик, туда-сюда... Проедешь три остановки.

Я сажусь со своей сумкой. Народ доброжелательный, хороший. Я доезжаю до этого места, схожу. Иду, захожу в хутор, а сам думаю, только б дойти до калитки; мне опять становится плохо, опять туман начинается, всё плывет, вестибулярный аппарат начинает барахлить сильно, шатаюсь, мне уже плохо. Иду по улице, дом 58. Встал у калитки и стою, думаю, час или два, — упаду и умру, и меня здесь и зароят. И слышу, поют: «Люди Господу верили как Богу, а он сам к нам на Землю пришёл».

Я приехал утром. Я, значит, думаю, попал к сектантам. Все это пропащий номер: думаю, зачем я сюда приехал. Я мог бы и в Москве помереть. Да, надо было этих гадов уничтожить, чтобы они не поганили жизнь другим людям. Я растерялся... Но надо заходить.

Захожу, никакой надежды... Захожу в калитку. А вы знаете, — с правой стороны там есть скамеечка. Ко мне подходит пожилая женщина. Это была Ольга, жена Марка Ивановича. Говорит:

— Вы с чем приехали?

— Я приехал из Москвы, — отвечаю я.

— Учитель вам разрешил?

— Вот письмо, — показываю его письмо.

— Сейчас Учитель к вам выйдет, сядьте здесь, — она мне сказала.

Я поставил на эту скамейку свою сумку. Сел. Проходит какое-то время, может, минут пять. Я недолго сидел. Люди ходят туда-сюда по двору. Кто-то в калитку вышел. Вот, раз, подходит Парфирий Корнеевич и Валентина Леонтьевна. Я точно не помню, то ли он держал Валентину под руку, опирался, то ли она его поддерживала; они друг за дружку держались. Подходят, на меня внимательно смотрят. Я не знал тогда, что они насквозь видят людей. Здесь я ничего не убавляю и не прибавляю.

Учитель мне говорит:

— Тебя зовут Анатолий, ты приехал ко мне из Москвы, у тебя есть жена Валентина, а сын — Сергей. Валентина здесь добавляет:

— Твоя жена — дура! Ей редкостный муж достался, но она этого не понимает и не ценит, потому что дура! Когда ты уйдешь из жизни, вот тогда она поймет, какого мужа она потеряла. А куда ты живой, она этого не понимает и не ценит.

Учитель добавил:

— Злые люди тебя обидели. Ты - не просто человек, ты у Бога любимый Сын на Земле, Он на тебя смотрит и радуется. Ты и труженик, ты и человек очень добрый, стараешься помочь другим, таких, как ты мало, ты как жемчужина в океане, — редкое явление (или «в море», — он сказал)! За то, что тебя люди обидели, Он, тебя любящий, накажет страну и народ. Проси у Него. Я сделаю так, что ты выздоровеешь, и я тебя пошлю туда, — Учитель показал на Небо.

А я и подумал, как это я поднимусь «туда»? Здесь нет ни самолета, ни ракеты. Думаю, как я поднимусь «туда»? Что за ерунда.

— И все, что ты попросишь, он для тебя сделает по твоей просьбе. Проси для людей.

Я немного смутился, конечно. Знаю за себя, что человек я хороший. Все, кто не приходит ко мне, посидят за столом, скажут: «Ты, Толик, за-

мечательный человек».

На работе нормальные люди меня признают и ценят, кроме этой пьяни. Если можно их сравнить — пьянь, как драная кошка, и хороший человек — это холеная собака. Между ними никогда не будет взаимопонимания.

— А сейчас, иди на овраг, занеси сюда свои вещи, сними с себя всю одежду, и вылей на себя два ведра воды, и посохни, стой, — сказал Учитель.

И я вспомнил, что об этом я слышал от Кислякова Гены. Однако, когда приезжал Геннадий, было на улице 7–8 градусов мороза, а когда я приехал, было уже 8–9 градусов тепла, трава уже была сантиметров 10. Это было 24 марта 1983 года.

Я взял ведра, спустился в овраг, подошёл к колодцу, наполнил ведра, вылил два ведра на себя, вода ледяная, но стою, ничего... Постоял-постоял, где-то с полчаса, — вроде сухой, отжал трусы, одел их. Да, я уже высох. Одел брюки, рубашку, пиджак, была еще у меня куртка Аляска, т. к. я её брал в Москве, где ещё лежал снег. Поднимаюсь наверх, захожу в дом. Валентина Леонтьевна говорит:

— Проходи, Анатолий, в комнату!

Вы знаете, когда заходишь в Дом, слева стоит диванчик, а за ним была комната, где спал Учитель. В комнате стоял такой топчан, на полу лежала кошма метра два в длину. Учитель сидел на постели, а Валентина — на табуретке.

— Садись, рассказывай свою жизнь, — говорит Учитель.

— Человек я как человек. С детства читал Евангелие, эти заповеди: «не пей», «не лги», «не убивай», «не кради», стараюсь их соблюдать, жить по совести. Всю жизнь помогаю своим близким, работу выбираю самую тяжелую, которая для других не в подъем. Потому что мужчина должен пройти самый трудный путь по жизни. Большую часть своих заработков отдаю своим ближним, вторую пенсию плачу своей матери, тестю и теще даю каждый месяц по 50–60 рублей. Дядя у меня есть, каждые два-три месяца отправляю щедрые посылки на 30, 40, а иногда на 50

рублей ящик подарков. Кто ко мне в дом приходит, того угощаю максимально. За год раз двести людей угощал, бывало, приходили по 3–4 человека, — Анатолий показывает рукой, значит, «досыта». Если кто-то попросит рубашку, брюки, куртку, кому что не хватает, я этим с ним поделюсь. На работе даю или дарю инструмент, если вижу, что у него нет инструмента, чтобы было чем работать. Покупаю это всё сам в магазине. Бывало, что за год тратил до ста рублей. Это тогдашних 100 рублей было ого-го!

Например, мужики бухают, инструмента для работы нет. Я им говорю:

— Пойди, сделай свою работу по заявке.

Он отвечает:

— А у меня нет инструмента». Тогда я к мастеру обращаюсь:

— Выпиши ты ему молоток, зубило, стамесок несколько штук, пилу, рубанок, пару отверток, бокорезы, кусачки, пассатижи, все же есть на складе.

Она, наш мастер, отвечает:

— Ой, вы знаете, я буду думать, буду думать.

— Она, бедная, три года думала, так и ничего не придумала.

Это такой уровень — два кирпича от обезьяны, — Анатолий показывает на низкий приземленный горизонт. Никудышный, просто, мастер! Приходит зряплату получать и надувать щёки, изображая из себя что-то, когда сама — нуль! А надо дела делать, она его не делает, только одними отговорками занимается. Бригада у нас 6 человек, один вкалывает, а пятеро только бухают, да по халтурам бегают, зарабатывая на пропой.

Учитель меня слушал внимательно и говорит:

— *Всё ты говоришь, правильно. Так всё и было.*

Ещё он мне сказал кое-что лично. Учитель также добавил:

— *Бог тебя любит. Ты у него на очень хорошем положении. Тебе надо побывать Там! — Учитель поднял при этом палец вверх. — Ты у меня побываешь, ты у меня будешь жить по десятое число, а уедешь семнад-*

цатого.

Я ничего не понял. Как это так, по 10-е я буду жить, а уеду 17-го! Потом, я знаю, что Бог-то есть. Но как я к нему подымусь? Думаю, Туда душа уходит после смерти, а живым, тогда, как Туда подняться? Может, думаю, помру... Или на ракете он меня туда отправит? Но откуда ракета? На самолете, может быть, но что-то не видно самолета... Что такое?», — у меня возникали такие мысли.

— *На небе побываешь! Что ты попросишь для людей, то исполнится! Тебе Он не откажет. Потому что у тебя большие заслуги в этой жизни. Много добра ты сделал людям,* — говорит Учитель дальше.

Затем говорит Валентина Леонтьевна:

— Разденься догола, ляг на пол спиной кверху, сейчас я тебе буду делать массаж.

И она начала ногами меня месить. Она мне промяла все стопы, икры, подколенные суставы и связки, ноги вверху и ягодицы. Она ведь была тяжелая крупная женщина. Она меня так месила, что я думал, она мне все кости переломает; очень больно было, очень больно! Потом она говорит:

— Перевернись кверху лицом.

Я перевернулся. Она тогда стала месить меня опять, где-то ногами, где-то руками. Помяла всего. Затем, два первых пальца до их половины как засунет мне под кадык вовнутрь, что я чуть не подох, — были ужасные боли. Думаю, еще чуть-чуть, — и мне конец! И говорит:

— Учитель, делай теперь ты свое дело!

Он подошел ко мне, говорит:

— Встань!

Я с великим трудом, шатаясь чуть живой, поднялся, лёг на этот топчан лицом кверху. Он говорит:

— *Проси у меня силу! Проси так: «Учитель, дай мне силы, дай мне здоровье!»*

Я лежу, едва губами шевелю от больнейшего массажа и проговариваю: «Учитель, дай мне силы! Дай здоровье!»

— Так, надо с душой и сердцем и со вздохом глубоким, — сам показывает Учитель на себе, — чтобы воздух прошёл через всего тебя, потом глубоко выдохни, так три раза с сердцем и душой.

Я так и сделал, как он мне велел. Одну руку он мне положил на лоб, другую — на ноги. И через меня пошла, как бы это лучше выразить, река пошла. Я воспринимаю это как душ, как поток какой-то внутри тебя идёт из его руки. Очень это ощущается сильно. И изнутри вся эта грязь, которую харкали эти уроды, три года, вся эта боль, болезненные ощущения, вымывается из тебя и выходит.

Из меня это все вышло! Я встаю и я здоровый!

— Спасибо, Учитель! — поблагодарил я его.

— Два дня ничего ни ешь, не пей, — и за тобой все это закрепится, — говорит Учитель и добавляет:

Приезжай когда хочешь и сколько хочешь живи у меня. Это моё тебе слово! Ты здесь можешь жить хоть постоянно, хороший ты человек! Такие, как ты, нужны. А пока жди.

— А когда мне в Москву уезжать? — спрашиваю я его.

— Я тебе сказал, жить будешь у меня по десятое, а уедешь семнадцатого. И я опять был в недоумении.

У меня люди спрашивали:

— По какое число тебе Учитель разрешил жить у него?

Я отвечал:

— По десятое.

— У-уу, это очень хорошо! Ты хороший человек! Обычно люди остаются у Учителя на 1-2 дня или несколько дней.

И мне добавили:

— Чем больше дней ты у Учителя живешь — тем выше тебе цена как человека. И, если Учитель тебе сказал, «живи, сколько хочешь и приезжай когда захочешь» — это значит, что тебе высокая цена!

И Валентина Леонтьевна на эту тему мне кое-что сказала:

Приезжай, когда хочешь, и живи, сколько хочешь.

Но, потом, я думаю, что же я просто так буду здесь жить!? Я выздо-

ровел — прекрасно! Ожил! Всё! Дышу, бегаю, боль сошла! А ведь горело всё внутри. А теперь ничего не болит, все прошло! Ощущение, что когда-то что-то было, а боли нет!

Короче говоря, ну что же, я так просто буду жить? В доме и на улице сидят мужики, женщины, философствованием занимаются, разными речами себя ублажают.

Смотрю, старики копают огород, работают граблями, лопатами и вилами копают землю, чернозем. Обращаюсь к нашим людям:

— Кто здоровый, не слабый, не больной!? Пошли со мной помогать старикам в огород; мы же у них живем, кушаем их хлеб. Мы помоложе, поздоровее, пускай они поменьше поработают, а мы побольше поработаем, поможем им!

Набралось человек пятнадцать народу; была и молодежь, несколько ребят-йогов. И мы, давай, граблями, лопатами работать. Вскопали огороды очень быстро. А сосед старый, сволочь, видя, как мы задорно и дружно работаем, помогая Учителю и Валентине, давай плевать в нашу сторону. Он как плюнет, я его перекрещу и поклонюсь. Он как харкнет, — я опять перекрещу его и поклонюсь.

— У него начался психоз, мерзавец какой, — смеется Анатолий. Глядит, глядит, завидно, подлецу, — до седых волос дожил, а как сволочь был, так и сволочью и остался. Мог бы спокойно нас просто попросить помочь у него на огороде. Помогли бы ему, конечно.

К Учителю приезжали разные люди, и Учитель их всех вылечивал, поднимал. Однажды приехали муж и жена, он работал проходчиком на шахте. У его жены была редкая болезнь: у нее все кости стали срастаться в одно целое. Т. е. если у нас между костями есть хрящик, между костей, это мениск, и он должен хорошо функционировать, то у нее этот мениск сросся с верхней и нижней костью, она ходила как на ходулях, еле двигается. Она молодая женщина, имела двоих детей: трёх и пяти лет. Несмотря на то, что муж хорошо зарабатывает, до 850 рублей в месяц, и они уже ездили не к одному доктору и специалисту в Москву и Ленинград, а также в Киев, и на Кавказ на разные минеральные источники

и грязи, но ничего не помогает. Ездили даже в Чехословакию, в Карловы Вары, — но безнадежно.

Так вот, заходят они к Валентине Леонтьевне в ее хатку, — Валентина начала ей делать свой массаж, а я здесь как раз у окошек что-то делал; дак, как же эта женщина визжала от «разминки» Валентины, визг стоял, как будто режут поросенка. Даже Валентина попросила её так не визжать, «а то пол-улицы ты поднимешь сейчас».

Потом за неё взялся Учитель, сделал свои «пассы». После этого она с мужем выскакивают во двор, и давай плясать вприсядку. Учитель вышел из домика, идёт по тропке, а она за ним ползёт и целует ему ноги и землю, по которой Он прошёл, — я сам видел, — говорит Толя, — своими глазами. Подобных случаев было при мне несколько.

Несмотря на то, что Учителя в последние его дни водили под руки, — когда я приехал 24 марта, Валентина его держала одной рукой, затем его поддерживали уже под обе руки, — Он продолжал принимать людей. Люди приезжают, у них беда, надо им помочь, и Парфирий Корнеевич из последних сил принимал их, вкладывал свои силы, чтобы они выздоровели.

Помимо меня ещё из Подмосковья приехала Тася, а сын у неё, Максим, непутевый был, совсем не слушался мать. Я и спросил Учителя:

— У тебя собираются очень хорошие люди, а Максим, я извиняюсь, говно-говно. Такая дрянь как человек. Как его к тебе занесло такого?

— А его мать приволокла сюда за шкирку, — отвечает Учитель.

Пацану 14 лет, до предела непутёвый, пакостный мальчишка. В него вошли бесы. Он крутился волчком, пукал, фукал, визжал, харкал, плевался во все стороны, очень некрасиво себя вёл.

— Максим, — обращаюсь я к нему, — поработаем вместе с нами. Может, твоя болезнь тебя отпустит!?

— Нет, я работать не могу, у меня живот болит.

А как только садимся кушать, - он первый с ложкой самый лучший кусок берёт. Т.е. такая вшивая порода.

И, короче говоря, как мне сказала Валентина Леонтьевна, 8 апре-

ля утром (это было в пятницу) сегодня ты, Анатолий, пойдешь туда, на Небо, а Максим «пойдет к своему отцу», — она показала рукой вниз. И Учитель тоже подошёл ко мне, показав на небо и сказал:

— Ты сегодня побываешь Там, ГОТОВЬСЯ!

Я и думаю, что готовиться? Я как раз что-то там делал по хозяйству; надо было топор поточить и другие дела были.

Утром, когда мы завтракали, Учитель сказал Валентине посадить меня напротив Него, т. е. с торца стола, где Учитель сидел напротив меня. На завтрак был чай, много положила Валентина картошки с маслом, и кто-то привез индейку или две, и лежала с картошкой тушеная индейка, обильно приправленная тушёным луком. За столом сидело довольно плотно человек 30–40 человек.

— Анатолий, - зовет меня Учитель и смотрит на меня в упор.

А я думаю, что же он на меня так смотрит? И вижу, у Учителя лицо пошло всё буграми. И на руках тоже побежали бугорки. Мне даже не по себе стало. Сидел я от Учителя в метрах 6–7 по прямой.

— Анатолий, иди сюда, — смотрит строго на меня Учитель.

— Есть! Говори. Что, Учитель? — сразу подхожу к нему я.

— Бери, ешь! — и протягивает мне кусок крыла индейки из своих рук.

— Да у меня там лежит, Учитель, — я отвечаю.

— Из моей руки ешь! — повторяет Учитель вновь.

Валентина Леонтьевна встревает здесь:

— Анатолий, это не обсуждают.

— Хорошо, — ну и я откусил у него из рук несколько раз индейку и продолжил уже её есть сам. Съел!

— Спасибо, — говорю Учителю.

— Максим, иди сюда! — призывает Максима Учитель.

— Не пойду, а мне, чё, надо, што ли? — он дерзко отвечает.

Я ему говорю:

— Максим, но тебе же сказали. Что ты споры заводишь здесь за столом? Показываешь примеры анархизма, постоянного неповиновения?

— Я ещё буду подходить..., — конючится Максим.

Тогда я не выдержал и говорю ему:

— Знаешь что! Сейчас я тебя за шкурку подниму и проволоку. Или сам пойдешь!? А я тебя доволоку туда!

Он встал, крайне недовольный. А я иду за ним следом.

Учитель взял гузку индейки и протягивает ему в рот: «На, ешь, из моей руки.

— А чего я буду, — отбрыкивается пацан. Пожевал, пожевал он эту гузку, кое-как съел кусочек, а остаток бросил в свою тарелку.

Наступает вечер. Вечером я и Максим уже не ели.

— Мыться тебе не надо, Анатолий, — повторяет ещё раз Учитель, — и тебе, Максим, тоже.

Валентина Леонтьевна для Учителя вскипятила горячую воду, разбавила её холодной и сделала ванну горячей воды в той комнате, где Учитель жил, а Валентина спала на маленькой кровати у его ног, которая примыкала к его спальне. Учитель лёг в горячую воду, его мыли обильно с мылом, было много пены, потёрли мочалкой, помогли подняться из ванной, и он лёг на кровать.

— Анатолий, теперь твоя очередь, ложись в эту ванну, — обращается Учитель к Толе.

— Да она грязновата, Учитель, — вижу я обилие тёмной пены в воде.

— Ложись! — настоял он.

— Есть! — отвечаю я и залезаю в горячую ванну, — голова торчит.

— Ныряй с головой, — добавляет Учитель.

Я ныряю. Нырнул-вынырнул, нырнул-вынырнул.

— А обливаться не надо, на колодец идти? — интересуюсь перспективами своего купания я.

— Полежи немножко, — слышу ясно голос Учителя.

Т. е. я так понял, что в этой мыльной воде были какие-то флюиды, оставшиеся от Учителя, его Сила.

— Обсохни полностью и ложись спать, — добавил напоследок Парфирий Корнеевич. А время подходило к десяти вечера.

— Теперь, Максим иди сюда, — зовёт его Учитель.

— Да, чего я? — стал пререкаться он.

— Максим, — говорю я ему, — залезай в ванную, иначе применю к тебе силу своей тяжёлой руки.

Нехотя он залезает в воду. Но я не помню, нырял он или нет. Я вышел.

И вот, я лёг на диван. Обычно я засыпаю в течение получаса, минут двадцать, а здесь, только голову положил на подушку, я мгновенно отрубился.

Дальше у меня такие ощущения: что сейчас что-то происходит: я дышу, дышу, и с последним моим выдохом, я, но не Душа, вышел из оболочки своего тела. Моё тело лежит на диване с подушками, а сердце моё сжалось и стало; моё тело мёртвое, оно мне без разницы, как та старая рубашка, которую ты носил двадцать пять или пятьдесят лет назад, о которой ты уже совсем забыл.

Я повис над ним, и меня начало куда-то тянуть вверх. Передо мною открывается новый мир, новая жизнь! Меня втягивает в какой-то тоннель из сияющих разноцветных нитей! В нём много выходов, в нём много Миров! Есть светлые миры и их там много, есть и темные, тяжёлые, муторные, где очень плохо. Но есть и ужасные миры, что только там в одну сторону дорога. Если человек туда попадает, назад уже ему выхода никогда уже не будет, его ждёт безысходность. Т. е. отпетые негодяи и мерзавцы, многократно направленные на Землю, прожившие здесь недостойно, просто сбрасываются туда, и за ними закрывается дверь навсегда — пусть они мучаются.

И я почувствовал, что в этом туннеле есть Светящиеся Существа, они мне очень, очень рады! Меня пригласил сам Господь Бог через Парфирия Корнеевича! Бог через Учителя, который был здесь на Земле отражением Бога, Его Светлым Ангелом, Его Посланцем, меня пригласил при жизни к себе на Небо! И это великая честь, что, я не знаю: это как все медали и ордена мира на себя повесить, и даже это ничто!

Так вот, эти Существа приветствуют меня, вся моя жизнь им ясна, всё у меня очень, очень хорошо! И вскоре через узкое место я выхожу, и передо мной — Ослепительный Мир, Мир Невероятный и Чу-

десный, наполненный такой Любовью, какими невероятными сказочными ощущениями! Здесь все вопросы нашего мира решаются! Здесь нет проблем, я могу отсюда уйти на миллионы лет вперед, я могу жить любым существом, будь то птичка, букашка или любое живое существо! Тайн при этом для меня не будет! Могу на миллионы лет устремиться назад, если я захочу! Я могу мгновенно переноситься на любые расстояния по всей Вселенной! Земля — это маленький камешек, песчинка в мироздании. Он всё это создал своей волей! Но Земля Ему нужна, где Бог души людей, животных проверяет, насколько правильно они выполнили Его волю здесь! Те, кто положительно отличились, они уходят наверх! Я здесь хорошо отличился!

Вот, например, у меня, когда серьезно болел дядя Миша и он уже умирал, имея двухэтажный дом в Сочи на побережье, 48 тыс. рублей на книжке в 89–90 году.

— Толя, племянник, — просил его дядя, — что среди моих родственников достойнее человека нет. Все тебе отписываю: и дом и деньги, бери.

— Дядя Миша, ведь у тебя есть дочь. Скажи, если я всё это заберу, не будет ли у неё обиды в этом? — спрашивает его Анатолий.

— Толя, — ему отвечает, дядя Миша, — она только тянет, тянет с меня, но никогда мне ничего не привозила.

А я привозил на 200–250 рублей всяких разных подарков и гостинцев, также за 10 дней моего отдыха я, что надо ему, помогу по хозяйству, а потом только уезжаю.

— Ну, что же. Например, до тебя приезжал мой родственник по жене Шварц. Он был дирижёр Большого Театра.

У дяди Миши была жена Роза Исааковна Максон, покойная уже в то время, а Шварц был её племянником. И он был жадным. Он приехал со своей женой и тремя внуками к ним погостить на море. Так они привезли таблетки для освежения полости рта за 6 копеек упаковка, 12 таблеток и ещё привезли им тапки белого цвета, которые дают покойникам по рублю 15 копеек за пару, всего две пары, дяде Мише и тёте Розе. Или четыре упаковки таблеток каждому; всё вместе будет: один

рубль 40 копеек без копейки. И они жили у них месяц за их счёт, припеваючи, даже не взяли и буханки хлеба. Ну, а я крутился в своё время, как белка в колесе по хозяйству, подарков навезу, и, поблагодарив их за ответные гостинцы в виде фруктов и овощей, с чистой совестью уезжаю домой.

Роза этого Шварца нахваливала:

— Наши дети, они самые умные люди, он такой талантливый, такой гениальный! А когда она потаскала его один месяц на своём горбу, у него вся гениальность пропала.

Дядя Миша им и говорит:

— Вот, сравните: приехал Анатолий, мой племянник, на 258 рублей подарков нам приволок; 6 венгерских кур, мяса вырезку 15 килограмм, колбас, да еще набор инструментов. Тебе, Роза, он привёз ещё шикарное покрывало на кровать за 86 рублей, не помню точно, и прочее и прочее. Вот это — Человек! А твоя родня, чего они собой представляют?

И она, Роза, конечно, за это крысилась на меня.

А вопрос у них стал о наследстве дома, в котором они жили. Я говорю дяде Мише:

— У тебя есть дочка, внук и внучка.

Он отвечает:

— Они не заслуживают, внуки такие же жлобы, как Шварц. Есть ещё двоюродная сестра твоя, Ляля. Она дочь моего брата Виктора, живёт во Владивостоке в общежитии коридорного типа образца 1932 года, одна комната 8 метров, другая — 6 метров. На этих 14 метрах живут 7 человек: Ляля, ее муж, трое детей, старший сын с семьёй из 3 человек с маленьким ребенком. Она меня умоляет, рыдает, говорит: «Дядя Миша, не убирай лучик солнышка в моем окошке. Я буду о тебе беспокоиться, заботиться. Кормить до самой смерти, убирать за тобой. Только, бога ради, отдай мне этот дом». А во Владивостоке в то время ничего не строили.

Я и отвечаю:

— Хорошо ли будет, дядя Миша, если я ради денег или вашего бар-

ского дома погашу у неё лучик надежды у женщины в её темном царстве?

И добавил:

— Всю свою жизнь я жил честно, а это будет нечестный поступок в моей жизни. У меня все-таки квартира. Отдайте ей свой дом.

— Это для того человека, который на хуторе Верхний Кондрючий был? — спросил Саша Сопроненко.

— Нет, не для него. Это я говорю, почему Учитель сказал, «что я такой хороший человек, которого ждал всю свою жизнь». И, НЕСМОТРЯ НА ТО, ЧТО Я НЕ ЗНАЛ ЭТОЙ Ляли, но она была моя двоюродная сестра, и я ей уступил этот дом, который сейчас стоит 200–300 тыс. долларов.

Когда умерла моя мама, тоже моя сестра пришла ко мне с трясущимися руками:

— Ну что, с адвокатами, с понятыми придёшь, ты выгонишь меня из квартиры, твоя же доля в квартире 36 тыс. евро; будем деньги делить?

— Наташа, у меня на книжке 1 тыс. 200 долларов и мне этого вполне хватит, — спокойно ответил Анатолий, — 36 тыс. евро и долю свою оставляю тебе.

— Ой, быстрее пошли, подпишешь свой отказ у нотариуса, — поспешно говорила его сестра.

— Живи спокойно, моё слово — закон! — отвечает Анатолий.

— И таких случаев в моей жизни было очень много. Ему, — Анатолий поднимает руку вверх, показывая на небо, — нравится такое. То, что человек много работает и очень щедрый! Я не богатый, но очень добрый, очень щедрый, очень порядочный, очень. Только это Ему очень нравится, — золотой ключик, который открывает дверь в Царство Небесное. Много работал, всю жизнь старался, много помогал людям, а не себе.

— Я попал в этот мир, и вся жизнь прошла передо мной. Необыкновенно яркий Свет, нет контуров! Нет контуров, как у диска солнца! Это и есть Господь! Почему Он сделал себя в виде света, — чтобы всю Вселенную пронизать! Если бы Он был в таком, как мы, виде, Он смог взять только небольшой объем Вселенной под контроль. А Он прони-

зывает всю Вселенную! Своим Светом всё освещает, насыщает, дает жизнь, дает счастье!

— Но есть также мир чёрный, мир зла, который старается исказить, изгадить, погасить, испаскудить. Я ведь видел всех людей насквозь. Прошла вся моя жизнь передо мною от вздоха до вздоха. Я понял, что жизнь на Земле очень короткая! Там она бесконечная! Там нет пределов! И Он мне показал: «Что ты среди людей жил, тебя люди обидели. Но они приползут к тебе, и главные твои обидчики будут просить прощения, умолять будут о прощении. Я их скручу. Если ты их пожалеешь, они ещё какое-то время останутся пожить на земле, чтобы иметь шанс исправить своё паскудство. А если они не исправят — им ад!»

Как-то в беседе с Учителем, сидя на лавочке в саду, я спросил:

— Учитель, ты же ЖИВОЙ святой! Тебя церковники должны на руках носить!

— Им живые святые не нужны, — с мёртвыми святыми то легче, — ответил просто Учитель.

И после того, как я вернулся домой в Москву, в течение года у Васьки Кравца пошли опухоли по всему телу, он перенёс несколько операций (он мне больше всех пакостил на работе). Витьку Иванюка, который абсолютно ни за что огаживал меня регулярно, разбил паралич, он ползал по квартире. И оба приползли ко мне, умоляли меня простить их. Им, очевидно, тоже было сказано, что вы, вот, человеку гадили, — за то и получили. Я пожалел их. Дал им возможность; хоть вы мне столько зла сделали.... Зачем? Для чего? Мне совершенно не понятно.

У Васьки все опухоли тут же зажили, и Иванюк ожил после паралича. Это были молодые мужики лет по тридцать пять. Другие подлецы уходили быстро из жизни. Ведь я видел всех людей насквозь. Вся Земля передо мною была раскрыта. Люди были, как песчинки океана, я чувствовал их мысли, чаяния, надежды. И я вам скажу, что очень никудышные люди живут в Центральной Африке, Южной Азии, они весьма примитивные, слабые.

— А таджики, узбеки? — раздался вопрос.

— То же самое... У них две извилины в голове. Деньги и положение получше хотят занять.

А вот на Севере люди трудолюбивые, честные, работающие. Вокруг Бога очень много русских. Приведу простой пример, вот монголы прошли по всей стране; они хоть один дом построили? А разрушили миллионы. Уничтожили десятки миллионов жизней. Многие народы ограбили, унизили, втоптали в грязь, чтобы потешить своё злобное нутро.

Господь их власть ликвидировал.

Тамерлан прошел со своими войнами и убил около 20 миллионов. Если сравнить с масштабами современного населения, то это, примерно, значит перебить 200–300 миллионов людей. Чудовищная цифра! Да, он строил... только не дома, а крепости из человеческих голов.

А вот я ездил в Узбекистан Ташкент строить. Так мы построили им в подарок 1200 домов. А нас там постоянно оскорбляли, унижали, нам там хамили. Это те люди, которые сами не работают, делают «шахер-махер», т. е. занимаются нехорошими делами, и, в то же время, оскорбляют тех, кто к ним приехал помочь! А такого, чтобы им кто-то помогал, ещё в их истории не было. Да и они никому не помогали.

Поэтому добрые народы там, наверху, на Небе! И я на Небо попал как лучший представитель своего народа. Он, Господь Бог, очень мною доволен! Он дал мне понять, что все сейчас болезни с тебя сойдут, и ты мне нужен Там (*на Земле — прим. редаккт*).

— Ой, как я не хотел на Землю возвращаться, вы даже не представляете... Словно в «грязную яму» попал. Но Его Воля есть Его Воля! Там не порассуждаешь:

— Иди назад, ты мне там нужен, мало таких, как ты.

— А это тебе голос говорил? — был вопрос.

— Нет, не голос. Там всё без слов. Там всё, что у тебя на душе, накопело, — это мгновенно передается. Даже нельзя сказать, что это мысль в нашем понимании этого слова.

— Я, например, хотел, чтобы у нас в России не было этих поганых электричек, в которых люди едут в Москву, да и не только в Москву,

чтобы купить колбасу, мясо, кофе, конфеты и шоколад для детей со всех ближайших областей, где ничего нет! Это: из Рязани, Тулы, Твери, Брянска, Орла, Калуги, Горького (сейчас Нижний Новгород) и т. д. и т. п., где на прилавках магазинов лежала только серая соль, серые рожки, серые макароны, хозяйственное мыло, уксус и горчица. Чтобы этого больше не было! — я просил у Бога.

От такого вида нищеты и безалаберности наших партийных и государственных руководителей я даже чуть не заплакал. У нас же в Москве всё есть, а тут такое безобразие! И я просил, чтобы всё было у простых людей.

— Господь Бог дал понять, что где хороших людей оскорбляют и обижают, — оскорбляют и обижают Его! Если хорошего человека, дитя Бога ты обидел, от Него будет ответная кара, там страна развалится, там может пройти война. Он мне дал понять, что, когда я уйду, на Землю упадёт небесный камень, от ударной волны смоем очень много городов и деревень. Мало народу останется на Земле.

Он мне дал понять, что всё, что я прошу за советский, русский народ, а именно: «пусть в стране по дорогам ездят красивые машины как на Западе, чтобы строились красивые дома, коттеджи, как на Западе, чтобы в магазинах от Кронштадта до Чукотки было изобилие товаров, пусть все исполнится это!» И когда я был в советское время в Татарии, мне татары понравились, то я просил Бога, чтобы максимально обошла стороной их беда, т.к. народ там трудолюбивый и добрый.

И Он мне дал также понять, что Москва будет разрушена, т. к. во время перемен будут миллионные бунты, кинут танки, пройдет страшная буза по городу. Но я просил, чтобы меньше пролилось человеческой крови у нас, и что не надо Москву разрушать. Есть другие воровские города, криминальное население, где люди занимаются только аферами, воруют. Если уж надо, чтобы при разрушении страны были какие-то кровавые жертвы, то пусть там у них это будет. Так были разрушены Бендеры, Грозный. Однако минимальная кровь будет и в Москве. И был Норд Ост и другие жертвы, мы это помним. — это была также мини-

мальная кровь в Москве. «Но те, кто уйдут, придут ко Мне», — мне было сказано Богом.

Еще я просил, чтобы люди свободно выезжали из нашей страны. Чтобы наши деньги свободно менялись на любые деньги мира. Чтобы была любая свобода информации. И Он мне дал понять, что всё это возможно сделать без проблем. Но, так как качество людей резко упало, Он страну разваливает, т. к. некачественные люди не могут обладать большой страной.

После этого мне хотелось узнать, как живут мои жена и сын, все-таки я уже живу у Учителя четырнадцать дней:

И моя Душа подошла к ним в это ночное время, я приблизился, и почувствовал, как дышит жена, как у неё работает сердце, я ощущал запах её кожи, волос, но никак не мог дать о себе знать. К сыну я подошёл, слышу, — он спит, сопит, — такое же ощущение его восприятия было у меня. И после этого я отправился не к Создателю, а по-над Землей, и вошёл в свое тело.

Мое тело было абсолютно холодное, сердце было «замёрзшее», кровь в жилах уже свернулась и была не жидкая, а кашицеобразная; весь мой организм был мертвый. И мне от этого ужаса так стало страшно, что я закричал. Все переполошились в доме, народу было человек двадцать-тридцать:

— Что случилось, что случилось?

Я говорю:

— Учитель, мне приснился кошмар.

Учитель говорит:

— Успокойтесь, с Анатолием всё правильно!

Я потом не спал всю ночь, понимая, где я был. Меня всего крутило и выворачивало, т. к. тело опять ожило после холода и ледяного забвения в течение 2,5–3 часов. Да, и потом я плохо спал в течение нескольких месяцев.

— А вот Ваше тело неделю лежало холодное; как народ реагировал? — задают Анатолию вопрос.

— Не неделю, а три часа, — сразу ответил он, — восьмого числа моя душа была на небе. Максим попал в ад, к своему отцу, — Толя показывает правой рукой рогатого.

— А Максим вернулся в тело? — вновь услышали вопрос к Анатолию.

— Вернулся, и также кричал! Они там занимаются паскудством. Здесь-то я ему могу уши накрутить, то пинка ему дам в зад, когда он людям гадить начинает. А там безобразничай, сколько хочешь. И его это устраивает.

— И на следующий день Макса, — как назвал его Толя, — побежал в овраг. С левой стороны кто-то на веревке вешал белье. Этот Максим, будучи поросенком, хоть бы белье повесил на забор, сорвал веревку, белье кинул на землю, побежал налево, где стояли деревья на кладбище, и в момент, сделав петлю, а вы знаете, что самоубийство — верный путь в ад, забрался на дерево, завязал верёвку за дерево, одел петлю на шею, и... повесился! А народ шёл к колодцу, увидели люди, что дерево трясётся, и чьи-то ноги болтаются, женщины подняли крик. Подбежал народ, и люди вытащили Максима из этой петли. Он ещё был жив.

Шею он не сломал, стал только задыхаться. Мать его крик подняла:

— Что ты делаешь? Сын, опомнись!

— Ладно-ладно...я так... туда-сюда, — отшучивался Максим. Для него шуточки это были какие-то.

Учитель с Валентиной подошёл и сказал:

— Так больше не делай.

Валентина добавила:

— Ты что, с ума сошёл. Нас тут и так милиция долбит, и комитетчики долбят. И ты ещё тут. Если повесишься, нас здесь заживо сожрут.

А он:

— Да, ладно-ладно...

Его оставили в покое, а верёвку, естественно, отобрали. А женщины взяли белье прополоскать.

Этот говнюк побежал по оврагу вверх, где мы огороды копали и дед, сосед, плевался в нашу сторону, нашёл многожильный медный провод

на заборе, снял его, побежал в сарай какой-то, изготовил петлю и опять собрался вешаться!

Конечно, уже за ним стали приглядывать. Люди увидели, что он в сарай этот побежал, стащивши провод. Люди влезают уже целым отрядом прямо за ним, а он уже на ящик пытается залезть, чтобы повиснуть. Опять его остановили. И в третий раз он был остановлен. Что ему в Ад — прекрасно, мне — ужасно даже подумать! Кто от Бога — тому Светлые Миры!

Короче говоря, после третьей Максимовой попытки уйти в ад, Валентина вызывает его мать и говорит:

— Тася, Максим, езжайте вы отсюда к чёртовой матери, ну вас... Если этот дурак повесится, нам здесь не жить. Учитель ему ничем помочь не может, потому что Максиму надо Учителя просить, а он его не просит, и просить не будет! Всё, что ему нужно сказать, так это: «Учитель, помоги! Учитель, помоги!».

А Макса только фыркает, плюется, говорит: «Да пошли вы все...»

— Как такому ишаку помочь? — спрашивает Анатолий.

И, несмотря на то, что мне было худо, тяжело после того, как я побывал на Небе, потому что ощущение было, что я как будто живой вошел в мертвеца, я решил Таисию с Максимом проводить. Я взял их сумки, и мы дошли до узкоколейки на краю Хутора. И я поймал Максима за шкирбон и сказал:

— Ты долго будешь свою мать избивать? Ты долго будешь в неё плевать? Ты долго будешь ей всякие пакости делать? Я здесь с тобой десять дней жил, и у тебя десять-пятнадцать гадостей каждый день было сделано.

И как давай его лупить ладонью. Мать стоит, смотрит. Говорит:

— Слава богу! Хоть кто-то его вразумил!

Но он верткий, жопой крутил то туда, то сюда. Три раза ударишь, один попадешь, два — мимо. Но получил, гадёныш, своё.

— Ещё, — говорю, — только посмей мать помучить! — я взял у матери адрес:

— Я приеду, если мать будешь мучить, выпорю тебя этим много-жильным проводом! Я из тебя нечистую силу вышибу!

Всё это было 9 апреля, в субботу. Прихожу в дом. Валентина спрашивает:

— Ну как там Максим?

— Всыпку я ему дал! — отвечаю я.

— Правильно, правильно! — обрадовалась Валентина.

Я добавляю:

— Мать у него — курица, ни хрена не понимает, ничего не может с ним сделать.

Я спрашиваю у Валентины:

— Чем я могу сейчас вам помочь?

— Толь, у нас, когда наступает зима, к ногам грязь прилипает, и грязную обувь мы ставим в дом. Здесь привезли штук тридцать шпал. Ты выложи здесь дорожку от поварни до дома, от этого дома до другого, стоящего сзади домика. В сторону колодца сделай из шпал тропку.

— Ты, Валентина, баба с характером, я начну эту дорожку укладывать шпалами, а ты раскритикуешь; дескать, всё не так. Давай так мы с тобой определимся; прочерти мне на земле, куда должны идти эти дорожки, и насколько пальцев шпалы будут выступать от земли? — говорю я ей.

Она, было, хотела полаяться со мной. Однако взяла прутик и начала чертить. А я взял лопату и пошёл за её дорожкой, глубоко лопатой прокопал землю, в общем, пропахал лопатой борозду.

Собрал народ и спрашиваю:

— Кто хочет помочь? Или я один буду работать?

Тогда присоединилось ко мне человек пять.

Начали делать ямы и укладывать шпалы. А я подзываю Валентину:

— Всё нормально, такая высота пойдёт? — показываю на свою работу.

— Всё нормально! — отвечает она!

Всё мы тогда утрамбовываем, подсыпаем землю вокруг шпал. Где надо, отпиливаем часть бревна. Короче говоря, девятого апреля начали

и к десятому, где-то, в час дня, мы кладём эти брёвна, ...

... и, вдруг, КРИК!

А-аа, Учитель...!

Вот послушайте: за два дня до этого, с числа седьмого, вся Природа..., распустились все деревья, вишни, сливы, яблони, запах сказочный; такой аромат необыкновенный, и какие стояли в цвету белом деревья! Очень приятный вид и запах!

Учитель ходит по дому, смотрит по сторонам, нюхает. А я только, когда Учитель умер, понял: Природа с ним просталась, и Она напоследок расцвела всеми цветами, чтобы перед смертью Он, жил как в ЦВЕ-ТУЩЕМ САДУ находился, вот!

И, значит, десятое число, помню, Он идёт по саду, по кругу обошёл, до оврага, прошёл туда-сюда. Я думаю, что он ходит тут? Раз прошёл, два, три. Я подумал: «Полежал бы, отдохнул; вот, старого чёрта, понесло где-то шататься», — честно вам говорю.

А Он так на меня пристально посмотрел... Он же знает все мои мысли..., — улыбается Анатолий. Плохо же ему, лёг бы да лежал себе. Видно, что плохо ему.

Наступает часов двенадцать, может, двенадцать-тридцать.

И, вдруг, значит, КРИК! Из Дома Здоровья:

— УЧИТЕЛЮ ПЛОХО!

Мы всё побросали, кинулись туда в Дом. Он лежит на спине, и у него, — Толя показывает на себе струйку крови у Учителя изо рта с правой стороны, — ТЕЧЁТ КРОВЬ....

Мы со всех сторон к Нему, мы давай Его обмахивать. После того, как я побывал Там, я был слабый, словно после тяжёлой болезни. Но я всё равно работал. Надо помочь старикам, помочь, — через силу, но помочь им. Так вот, я пытался Ему делать массаж груди своим махровым мягким полотенцем, аккуратно стал растирать. Другие Ему в рот стали искусственное дыхание делать.

Я им говорю:

— Погодите вы, возьмите носовой платок, дышите через него Учи-

телю в рот, ведь это кровь, всё-таки. Мы Его все окружили разом. Я никогда не видел в жизни, чтобы так человека откачивали.

Я думаю, никогда никого так не откачивали. Это было всеобщее самопожертвование. Над Ним люди бились два! часа.

И я смотрю, Он как-то стал костенеть, чуметь, глаза уже всё, — закрылись...

Валентина Леонтьевна выводит меня на улицу. Там все сбились: шум, гам, крики:

— Скорее, скорее, искусственное дыхание, влажным полотенцем протри там....

— Анатолий, что будем делать? — спрашивает Валентина.

— Валентина Леонтьевна, кто я такой? Ну, живу я у вас какое-то время. У вас же здесь по десять-пятнадцать лет люди живут: Марк Иванович, его жена Ольга, Настенька, и другие, правильно? — обращается Анатолий к ней, — что же вы мне задаёте эти вопросы? Хорошо, я тебе отвечу встречным вопросом:

— Что говорил Учитель, если он будет умирать?

Валентина отвечает:

— А Он уже несколько раз умирал.

— Как несколько раз умирал? — спрашиваю я её.

— Да так!

— Что вы делали?

Он просил меня положить на землю и обливать водой, и чтобы кто-то на мне держал свои руки, держал обязательно живые руки, которые должны лежать на теле. Тогда душа вернётся. Надо так держать, иначе связь души и тела может оборваться.

— Хорошо, как Он сказал, так и будем делать. Где будем класть его?

— Здесь.

— Если положим Его на землю и будем поливать водой, здесь образуется болото. Учитель будет лежать в полной грязи. Это же не дело, правильно? Давай как-то поумнее. Давай, я положу старую дверь под спину. И Он будет лежать на спине, опираясь на дверь. Однако ноги,

ягодицы и спина Учителя останутся лежать на земле. А уж спина, голова будут лежать не в грязи, правильно? — настаивает Анатолий.

— Пожалуй, правильно, — отвечает Валентина.

Итак, мы положили эту дверь на землю. Затем аккуратно взяли Учителя и перенесли его на улицу и уложили на дверь. И вы знаете, как ему стало плохо (а время шло уже к 2 часам), и на улице было +24 градуса до этого; все ходили в маечках, по пояс голые, жара, — моментально с +24 градусов температура упала к восьми часам вечера до -1 °С, -2 °С. За шесть часов погода резко испортилась.

Люди принесли вёдра и думали обливать лежащего Учителя из них. Тогда Толя сказал: «ну зачем же мы будем обливать его из вёдер, давайте возьмём корчик и будем обливать Парфирия Корнеевича из него; ведь в ведре 12–14 корчиков (ковшиков)».

Валентина Леонтьевна согласилась.

И посыпались с деревьев все молодые листья и цветы. И они стали засыпать Его как снегом. Это я видел своими глазами. И мы были тоже засыпаны этими апрельскими снежинками. Стало холодно, я одел рубашку, и даже свою «аляску» и даже застегнул её всю. Все тоже хорошо оделись.

— А где вы Его положили? — спрашивает Александр Сопроненко.

— Учитель находился ближе к дому, напротив своей комнаты во дворе, облокотившись, полулежа на забор в саду, где была положена мною под уклоном дверь. И там его обливали, — объяснил Толя Макаров.

— Вокруг Учителя стояло и сидело непрерывно по 6 человек, т. е. по три с каждой стороны справа, и с левой стороны, и они постоянно менялись (народу было всего, примерно, человек сорок), каждые два часа, помогая поливать Учителя каждые 10–15 минут.

И чтобы руки не отпускать от Учителя!

— Ребята, отпускает кто-то один, если надо, например, вытереть лицо, высморкаться, но тут же клади назад. Так передала Валентина Леонтьевна, как ей сказал в своё время Учитель, чтобы руки не отрывать от Него, т. к. прервётся связь души и тела.

Мы так сидели вечер, мы сидели всю ночь, мы сидели весь день. Кто-то выходил в туалет, кто-то хотел полежать, отдохнуть, но мы договорились, сколько будем сидеть над ним, — но трое суток не пить и не есть.

И просить! Учитель, вернись к жизни!! Учитель, вернись к жизни!

Так мы сидели слева и справа, кстати, босяком, на земле наши ноги были, хотя уже было холодно. Но земля была ещё не такая холодная, ещё светило солнце. Короче, я просидел всю ночь! Люди менялись, приходили и уходили. И Валентина Леонтьевна приходила, и Марк Иванович, и его супруга, и Настенька, все сидели.

— А Петр был? — спросили люди.

— Это Матлаков? — переспросил Толя.

— Матлаев.

— А, Матлаев... Когда он приехал, он мне сразу не понравился; если он не кулак, так подкулачник, — это уж точно. Такой маленький, шустрый... вя-ля..., — качает головой Анатолий. — Мне он не приглянулся. Приехал на машине. Валентина ему сказала, что едем гроб покупать. Ну, это потом уже.

— Давай Толя по порядку, — раздаётся предложение продолжить.

Дальше, значит, мы сидим, держим руки. Наступает вторая ночь. Я чувствовал себя неважно, плохо выспавшимся, т. к. мы всё время менялись. И всё думаю: я побывал Там, — показывая на небе, — я говорил с Ним, — указывая на Господа Бога. — Он обещал, что в нашей стране пройдут такие перемены; что страна развалится без большой крови, что будет изобилие товаров и продуктов. Я задавал себе вопрос:

— Неужели такое будет? Но, с другой стороны, перед Его властью всё остальное ничто! Всё это должно исполниться! И я должен отправиться Туда!

— А о Сыне Он что-нибудь говорил? — перебивали Анатолия люди.

— Господь мне сказал: «У тебя есть заслуги, и всё, что ты просишь, для тебя я сделаю!»

И Анатолий продолжал:

— Если бы у меня заслуг не было, то и говорить не о чем! А заслуги это то, что я прожил жизнь очень честную, **ОЧЕНЬ ЧЕСТНУЮ!** Я выбирал не самую лёгкую, а самую тяжелую работу. Большую часть зарплаты раздавал своим родным и близким, помогал всегда нуждающимся, просящим людям.

И вот, вторая ночь наступила, и Валентина Леонтьевна куда-то отошла. И я сижу, руки у меня на теле Учителя лежат. Обращаюсь к ребятам, чтобы они держали руки постоянно на теле Учителя. Даже, если что-то надо, или надо вытереть пот, то только одной рукой, другая должна неотрывно лежать на теле Парфирия Корнеевича.

— Возьмите корчик, полейте тело. — Сидим. Поливаем тело.

— А всё тело или частично? — спрашивает Слава Караваев.

— С головы начинали, и до низу, — отвечает Толя.

— Мне кажется, ведром было бы лучше, — говорит одна женщина.

— Но это было бы очень много за один раз. И мы бы сидели по щиколотки в воде, — показывает Анатолий. — Просто утонули бы.

— Тонна воды была бы, — справедливо добавляет Алексей Захаров.

— Это тонны воды каждый день, — согласился Анатолий Макаров.

— Мы поливали Учителя каждые три минуты.

И вот произошла такая ситуация.

Когда мы заходим на усадьбу: справа от нас двор и Дом, слева — поварня. Вот, как я уже говорил, за домом у забора полулежал Учитель. А дальше, вдоль забора, стоял сарай. Кто-то из сидящих пошёл за этот сарай, вроде, по нужде в туалет.

И как он закричит:

— Ребята, ребята, скорее-скорее сюда! Какая удивительная падает звезда! Я такой звезды в жизни не видел!

И все как бараны вскочили и побежали туда. А я сижу и думаю, прибалдевший от всего: «Звезда..., какая звезда, в самом деле? Тучи расходятся, звёзды, вроде, есть».

Я встал и пошел за ними, совсем забыв, что нельзя отрывать руки. А когда мы держали руки на Учителе, у меня было ощущение, что он

живой, живой! Я это чувствовал; Он ЖИВОЙ! Мы могли его вернуть к жизни! А когда я зашёл уже за сарай, мало того, что звезды никакой не было, у меня пропало ощущение, что Учитель жив, когда я к Нему вернулся.

— Боже ты мой! — берётся за голову Толя. — Это Он специально сделал; Он не хочет возвращаться уже назад в этот мир. И Он сделал всё, чтобы мы его сюда не тянули. Там так хорошо! И Он звездой этой нас отвлёл. И когда я кинулся назад, положив руки на его тело, — это уже был труп.

— Вот, хотите, верьте, хотите — нет! Я ощутил сразу: только что лежал человек, а сейчас труп. А остальные этого не заметили. Все вернулись; — ля-ля, ля-ля...

— Мы же упустили Учителя! — бьёт себя по лбу Толя. — Нельзя было отпустить руки, — говорю я им.

— Да, ладно, что там, — отвечали мне. — Всего полминуты, там.

Да, думаю, ну, влипли. Сажу. Подходит Валентина Леонтьевна. Руки положила на Учителя и на меня глядит:

— Толя, ты понял, что произошло?

— Понял.

— Что было? — спрашивает Валентина.

— Да вот, звезда падала. Все кинулись смотреть. Я, как баран за всеми пошёл, и руки мы убрали с Тела.

— Что думаешь? — задаёт Валентина следующий вопрос.

— Думаю, что Учитель специально звездой нас отвлёл, чтобы мы не тащили Его в этот мир и дали спокойно Ему наслаждаться этим бесконечным счастьем.

Она говорит:

— Да, ты прав!

Она ощутила, и я ощутил, что Тело Учителя уже холодное. Больше никто не ощутил.

— Ну что, Толя, будем делать?

— Как Он сказал, «три дня сидеть», так и будем сидеть дальше. Хотя

и я, и Валентина понимали, что это уже бессмысленно. Мы сидели с 10-го на 11-ое, с 11-го на 12-ое, с 12-го на 13-ое. Кончается 13-ое апреля, шесть вечера, Валентина меня зовёт:

— Что будем делать?

(зазвенел у кого-то мобильный телефон)

— Да выключи ты его, — говорит Анатолий, — разговор серьёзный.

— Валентина Леонтьевна, ну кто я такой, что ты меня спрашиваешь? «Что будем делать?» Ты же здесь авторитет!

— А что сказал Учитель?

— Учитель сказал, «если я умру, похороните меня достойно» и напомнил «Валентина, запомни, не давай меня потрошить».

— Что же, будем выполнять Его волю. Ты знаешь это, и я знаю это.

— Да, - соглашается она с Анатолием.

— Давай, Валентина, так; уже шесть вечера. Трое суток никто ничего не ел. Надо накормить людей. Снимаем наши бдения ночные и держание рук на Его теле, накроем Его простынёй, и Учитель пока до утра полежит на старом месте, где мы Его обливали. А завтра, давай, заказывай гроб.

— Я сегодня гроб закажу, — Валентина говорит.

Она вызвала Матлакова Петю. Он приехал. Я гляжу на него; что за порода такая человеческая? Ни собака, ни овца. Глядел, глядел. Думаю, не кулак, дак подкулачник, — повторяет Анатолий. — Всю жизнь у Пети материализм, материализм, — хватательными движениями пальцев показывает на качества Петра Анатолий Макаров.

И добавляет с ухмылкой мысли свои о Пете: — Тачка, тачка — денег пачка! На остальное плевать.

Короче говоря, Валентина с этим Петей поехала на его машине, на «жигулях», и заказали гроб для Учителя. На следующий день на грузовике этот гроб привезли.

Стали мы сымать этот гроб, а он рассыпается. Во-первых, сбили его тяп-ляп, — позорнейшее зрелище. Видимо, эти алкоголики, кто сбивал гроб, как говорила Валентина Леонтьевна, были пьяны, и длинных гвоз-

дей у них не было. А чтобы доска держалась, (доски были 20-ка), нужно, чтобы гвозди вошли 20 мм в саму доску, а сантиметров 5–6 должна еще быть длина у них для того, чтобы вбить в то, во что прибиваешь, тогда будет держаться. А у них 3-х сантиметровые гвозди. Чуть доски пробили, наживили их и всё.

Мы стали сымать крышку, а она рассыпается. Разве можно Учителя в таком гробу хоронить!? Да ещё доски обрезаны, как попало, сикось-накось, с торцов по 3–4 см лишней длины.

— Делай, Толя, гроб, — говорит Валентина.

— Валентина Леонтьевна, я плотник не плохой, но в жизни своей никогда не делал гробов, — смутился Анатолий.

— У тебя получится, — ответила ободрительно она.

Была привезена также ткань. Ну, что делать...

— Дайте мне тогда инструмент, — просит Анатолий. И когда давали мне инструмент, например, стамески, рубанок, никудышный топорик, всё было тупое. Ведь надо было строгать, подпиливать. К тому же, не было точильного бруска. Точил я инструмент на кирпиче! Брал я инструмент у Марка Ивановича, говорю ему:

— Марк Иванович, дай мне острый топорик.

— Нету...

— Марк Иванович, дай мне какое-нибудь точило, пожалуйста, или брусок; ну как же вы здесь живёте?

— Нету...

Я в ответ:

— Хорошо, в следующий раз приеду, привезу вам точило и топор.

А он так на меня смотрит. Ведь он тоже по двадцать дней постился, чувствовал меня.

— Ты в следующий раз привезёшь? А когда? — спрашивает Марк Иванович.

— Не знаю, — отвечаю я, — но приеду в обязательном порядке. Повторяю ему: точило и топор я привезу.

— Если ещё что надо из инструмента, ты скажи.

— Ладно, ладно, — были слова Марка.

И только, когда прошло двадцать пять лет, я привёз и точило, и топор в Дом Здоровья! Всё, что я обещал, я всегда выполняю. Но Марка Ивановича уже не было. Он ушёл. А этот Петя меня вытурил полтора месяца назад (*запись видео с Толиным рассказом была сделана Сашей Сопроненко 22 июня 2008 года, вскоре после приезда Анатолия с Хутора Верхний Кондрючий — прим. редакт.*).

Топор и точило ему оставил. Также конфеты и другие гостинцы, тысячи три двести, три четыреста только одних подарков, помимо инструмента.

Петя Матлаков меня спросил:

— Чего ты сюда пришёл?

И на мои прямые ответы он всё время говорил: «Ты брешешь. Ты брешешь».

— Ты задаешь вопрос, я отвечаю. Что ты мне медаль «брешешь, брешешь» вешаешь? — вспоминает Толя. — Так нельзя.

— Ничего я тебе не брешу. Сам ты, Петя, брешешь! Когда против правды говоришь «брешешь».

Он тогда отвечает Толе: «Ну, ладно, я тогда помолчу». Вопрос один:

— Что ты хочешь делать?

— Я хочу поклониться Учителю, на Его могиле побыть. Помолиться, чтобы в Божьем мире Душа Его радовалась и была счастлива! Хотел облиться здесь водою, и последнее моё желание: побывать на Бугре и помолиться за здоровье всех людей, живущих на Земле, — отвечает Анатолий Макаров, любимый Сын Бога на этой Земле.

— Чё, ты на бугор собрался? — грубо оборвал Анатолия этот подкулачник.

— Да, конечно, а как же! Как положено!

— Так, собирай свои манатки. Во-оон отсюда!

Я на него гляжу. Взять за уши и дать ему шелбана! Да, прибавить: «Дурак, ты, братец, дурак!»

— Слушай, Петя. Я тебе сейчас могу достать письмо Валентины Ле-

онтьевны. Она тебе этот дом дала?

— Да, - говорит ослух Царя Небесного.

— Там написано: «Приезжай, когда хочешь, и живи, сколько хочешь!». — Тебе Валентина Леонтьевна авторитет? — спрашивает его Анатолий.

— Ничего не знаю, — отвечает он, — теперь Я здесь живу, Я теперь здесь авторитет.

Я говорю:

— Ладно, недолго ты жить здесь будешь. И будешь не Там наверху, а там — внизу! — показывает Анатолий рукой вниз, в Ад, значит, или в чистилище, как минимум.

Я взял свою одежду и пустую сумку, повернулся и ушёл. И добавил Пете и Эдику, стоящему рядом с ним:

— Солнышко светит и воздух прозрачен, птички щебечут, — желают удачи. Но это для меня! А вот я к вам, ребята, повернулся спиной, у меня такое ощущение, что за моей спиной над вами вороны каркают!.

И я пошёл. Всё... Помню, шёл и плакал, — обидно мне было очень...

Мне Анатолий неоднократно говорил, что, если бы у него был маркер, то бы на воротах улицы Садовой дом 58, он написал: «Жили здесь Орёл и Соколица, а поселились сычи да вороны. Были люди высокого полёта, а поселились людишки низкопробные». (*прим. редакт.*).

— Им оставил всё, что привёз на три тысячи двести, кроме инструмента; всего долларов на 200–250. Да Бога Ради!

— Да, гроб, про гроб, расскажи, — спрашивает, торопя Анатолия, Саша Сопроненко.

— Гроб я сбил, сделал его отлично! Мне ещё там один парень помогал; нужно было натягивать материал для обивки, то-сё.

— Валентина Леонтьевна, как?

— Отлично!

— Давай, Учителя когда будем класть в гроб, подложим какое-нибудь одеяло. А внутри всё обобьём белой простынной тканью.

А она:

— Толь, а зачем в гроб одеяло какое-то? У меня столько народу бывает, им надо.

— Это же Учитель! Ты что!? — сразу ответил я.

— Может, старое пальто или телогрейку? — Валентина добавляет опять.

Я тогда отвечаю:

— Не жидись! Не жидись: Он! — говорю, — лежать будет! Он!

— Положи эти опилки, стружки, — говорит Валентина.

Я говорю:

— Ты не права. Что здесь мелкотравчато жидиться? Тут надо для Него самое лучшее положить. Сделать Ему самое лучшее положение. Будь моя воля, я бы специально купил самое лучшее одеяло и всё бы изнутри обил бы.

Она так подумала, говорит:

— Ладно. Ты прав.

Пошла, притащила, но, правда, не новое, одеяло. Такое подержанное ватное одеяло.

Я, значит, разрезал его на, кажется, 2 или 3 части, положил, сперва вниз, потом по бокам гроба. Сверху обил всё белой тканью. Подушечку сделали, всё положили под голову. Всё из остатка одеяла. И в подушку я как раз насыпал опилки, о которых говорила Валентина.

Ну, вот. Ну, и дальше что:

— Что будем делать дальше? — спрашивает Валентина.

— Все, кто знали Учителя, принимались у него, его последователи, им нужно сообщить, чтобы они приезжали на похороны. И это было в тот день, когда мы поняли, что сидеть около Учителя уже было бессмысленно. Мы, как бы, закрылись, и трое суток никто никуда не выходил, ни за хлебом, ни за какой-либо едой. Мы не ели, мы не пили три дня.

Поэтому в селе ничего не знали.

— А вы обливались? — кто-то спросил Анатолия.

— Да, каждое утро и каждый вечер. Ходили все босиком.

И уже на 3 и 4 день после ухода Учителя погода стала опять налаживаться. Мы сняли свои «аляски», куртки, телогрейки. Стало теплеть.

И я говорю Валентине Леонтьевне, повторяется Анатолий:

— Готовь людям покушать, все же голодные. Трое суток не ели, не пили. И давай телеграммы в Москву, в Питер, в другие города, чтобы все приезжали на хутор попрощаться с Учителем. Ты знаешь, кто здесь был наиболее достойный, приглашай их. И Валентина вместе с Матлаковым, когда поехала с ним за гробом, отправила и телеграммы.

Я всем говорю картошку чистить и помогать по кухне Валентине Леонтьевне. Будет много народу. Надо было сбить лавки и столы. Стульев не хватало, приходилось выбирать из того, что есть. Мы рассчитывали на 300 человек за обеденным столом. Представляете, какие столы? Я крутился, как мог, и мы всё сделали, вроде нормально.

И вот собрался народ; все с Учителем прощались. На лоб Учителя Валентина положила вот такую полоску бумажную «Живые помощи», кажется. Молитвы христианские.

А я говорю Валентине Леонтьевне:

— Он вроде бы со священниками не контактил.

— Со священниками нет, да с Богом — да! — ответила она.

Также приехал его сын Яков.

Потом кто-то эту налобную бумажку с молитвами спёр.

— Ну, как это можно у Бога украсть? — раздался недоумевающий голос.

— Бог бессмертен: Он Там! — показывает на Небо Анатолий. А это Его лучик здесь на Земле. Вы даже не представляете, Что это такое! Кто это такой! Он может всё! Он может всё! Он может сказать: «Да будут МИРЫ! — Будут МИРЫ! Скажет: «Нет!» — МИРОВ не будет! Помните 99 год пророчества Нострадамуса, что «с Неба упадёт Князь ужаса, который принесёт гибель...».

На самом деле, это приближалось; гигантский камень шёл к Земле! А я-то думал, я ведь ещё не ушёл, чего так быстро? Тогда я вышел на пруд на высокое место, я могу вам его как-нибудь показать, сел на этот обрыв, при этом сутки не ел и не пил, сидел в одних трусах, это было 2–3 сентября на центральном пруду, одном из трёх Орехо-Борисовских

прудах, и сказал:

— Отец Небесный, если этот камень упадёт, то он пусть упадёт на меня, если я тебе больше здесь не нужен. Пусть он убьёт меня, или пронеси эту чашу мимо всего мира. И Господь меня всё же услышал. И время на Земле и на этом камне пошло по-разному. И камень, который должен был ударить в Землю, именно в наши места, он, как бы завис, т. е. если он летел с одной скоростью, то стал лететь медленнее и медленнее. И Земля прошла мимо него. Эта была глыба с большую гору. Я так подумал, он был километра полтора — два. И это был 1999 год. И это было по пророчеству Нострадамуса. Это был астероид, но не комета. И он прошёл мимо Земли, учёные доложили своим правительствам, но людям ничего не сообщили. Я перевёл после этого дух, — значит, я пока здесь ещё нужен.

Что было дальше:

Мы собирались хоронить Учителя. Валентина Леонтьевна поехала к врачам, которые отвечали по этой линии за Учителя, и одному из них, который Его сильно уважал, и сказала:

— Сделай мне справку, что Он умер. А вы знаете, что умершего человека у нас вскрывают. Валентина просила его сделать эту справку без всякого вскрытия. Учителю на тот момент было 85 лет.

— Что здесь вскрывать, конечно, напишу справку; итак всё ясно, — отвечал доктор.

И он выдал эту справку Валентине. Впоследствии ментура и КГБ этому врачу сделали хорошую выволочку. Он должен был сдать тело Учителя им для общего анализа.

— А где стояли столы? — прозвучал вопрос.

— От самой поварни и далее в сторону склона на широкой тропинке.

Мы кушали мясные блюда. Там была варёная колбаска, картошка, сардельки, сосиски с макаронами, котлеты, куры были жареные, т. е. если кто сильно упирается в овощные диеты, знайте, у Учителя была разная еда.

— А во время похорон молитвы читались? — был задан вопрос.

— Так, нет. Но я мысленно читал, — ответил Толя. Читал «Отче Наш», и еще кое-что.

— А гимн?

— Гимн пели, пели над гробом, когда прощались с Учителем. И когда зарывали гроб в землю, ещё спели.

Выходили мы с гробом с Учителем вначале через село направо из калитки, прошли по улице, повернули ещё направо в сторону кладбища. Справа от процессии шли с нами милиционеры, их было человек пятнадцать, а с левой стороны приехали на чёрных Волгах КГБ-эшники, переодетые в гражданскую одежду, но их было меньше, чем милиционеров.

— Толя, говорят, у Учителя на лбу был ярко выраженный крест.

— Не было креста, я вас уверяю, — прямо ответил Анатолий.

— Я вот сам его и в лоб целовал, прощался, и горько мне было. Но плакал только сын Яков. У других людей не было чувства потери. Чувства потери, что от нас ушёл Человек, не было; Он с нами! Он так сделал, что мы потерю не чувствовали. А Яков рыдал. Я уж его успокаивал, носовым платком вытирал: «Яша, успокойся, успокойся...». Говорил ему: «Яш, всё, что ты сможешь для отца сделать — это прекратить пить эту «мочу Сатаны». Если ты это сделаешь — ты молодец! Вот это то, что ты сможешь сделать для своего Отца».

— А почему вот во всех книгах и у Быковых написано, что высветился крест? — прозвучал вопрос.

— У Быковых под черепной коробкой тараканы бегают, — ответил Анатолий. — Я сам Ему ленту-повязку поправлял, и в гроб его клал.

— На всех документальных видео не было повязки с молитвами, — утверждает Караваев Вячеслав.

— Сама Валентина Леонтьевна положила эту повязку на лоб. Значит, спёрли. Да, кажется, на кладбище уже её не было, когда прощались с Учителем. Целовали в губы, щёки, и кто-то прихватил её.

— А где был Пётр? — спросили Толю.

— Матлаков?

— Матлаев.

— Он сутился по-мелкому: продукты подвозил, хлеб.

— А Сан Саныч там был?

— Какой Александр Александрович?

— Брыженёв.

— Народу была масса. Я не всех знаю. Там было народу очень много. Я, конечно, знакомился, брал адреса. Потом, в Москве уже, я ушёл сам в себя, но это уже было другое: я побывал Там, я с Ним могу связаться, я могу Его попросить!!

— Ну, теперь надо просить, получится или нет? — задаёт себе вопрос Анатолий Николаевич.

Вот я просил, чтобы было изобилие в магазинах, чтобы была свобода выезда из страны, была свобода информации, свободный обмен денег. Исполнится это или нет?

Представьте себе, что это был 83 год! В 93 году это всё стало РЕАЛЬНОСТЬЮ! Всего прошло 10 лет. А сейчас уже больше 20-ти лет прошло.

Я смотрю, что недостойные этого люди взяли деньги, взяли имущество общенародное. Совершенно недостойные это люди. Абсолютно недостойные они. Я просил вот на Бугре сейчас, чтобы Он долго не тянул, чтобы не было долгой растяжки в отношении них. Чтобы в отношении них был общий народный суд, общий Мировой суд. Хватит им про коммунизм, про демократию сказки рассказывать. Пускай отвечают за свои дела!

— А в каком одеянии был Учитель? — спросили люди.

— Я сейчас уже не помню; он был одет в шорты. Его по грудь накрыли простынёй.

— Люди говорили, что когда Учителя закапывали, Его тело было тёплым!? — говорит Вячеслав.

— Когда мы Его поливали водой, его руки сгибались и разгибались, одревенения не было. Тело было и не холодным и не тёплым, оно было не ледяным. А вот, когда мы отошли от него (убрали руки), оно стало холодеть, холодеть. Я понял, что он уже мёртвый человек.

— Это когда звезда, да? — спросил Толю Вячеслав.

— Да, после звезды, после звезды. Я понял сразу же, что это Он послал звезду, чтобы нас отвлечь, потому что мы его держим и не отпускаем. А Ему хочется остаться Там, он устал уже здесь, и мы его держим. Мы вот этими руками его держим, а надо отпустить. Иванов сделал так, чтобы звезда какая-то необыкновенная появилась там. Но это же Его воля, но не наша.

И дальше: вырыли яму люди. Там кто-то говорил, что, якобы, экскаватором копали. Но это неправда. Никакого экскаватора не было. Люди лопатами вшестером копали, чуть ли не дрались за честь копать могилу Учителю. Люди лопатами выкопали яму больше обычной; она была шире и глубже. По православным канонам, яма должна быть в рост человека, где-то метр восемьдесят. А там вырыли все два метра. И она была попросторнее.

Потом на верёвках опускали вниз гроб, все прощались с Ним. Я сам лично забил крышку гроба четырьмя гвоздями, причём всякий раз говорил: «Господи, прими в Царствие своё раба своего Парфирия Иванова». Я лично забил четыре гвоздя в крышку гроба, лично я; молоток у меня был, в кармане гвозди. И, значит, когда опустили в могилу гроб, все, конечно там шумели, говорили: «Учитель, ты нас покидаешь».

Кидали горстями много земли. Вот так кидали, потом лопатами зарыли, сделали курганчик. И вот, мы пошли все во двор. А на могиле легло человек двадцать на доски, которые привезли, чтобы столы и лавки сделать. Они говорили:

— Мы ляжем на земле, будем лежать рядом с Учителем!

Я им говорю:

— Чего вы на земле ляжете? Возьмите доски и ложитесь на них, всё же лучше, чем на земле.

Они решили, что я был прав. Они пошли, набрали этих досок. Толщина досок была сороковка, и в длину они были больше двух метров. Наложили доски вокруг могилы слева, справа.

Один говорит:

— Я на могилу лягу.

— Да ты чего, в самом деле!? — говорю ему я. — Если уж на то по-

шло, лягте в торце, в ногах. И лежите на досках.

Это было сделано ими для того, чтобы, если Учитель из-под земли подаст голос, они Его мгновенно отроют лопатами. И это было 15-е число, 16 апреля мы впервые вышли со двора, и там ребята говорят:

— Толь, пойдём, прогуляемся.

Мы ходили купаться в пруду, далеко на пруд ходили. Потом я лазил на террикон, который находится рядом с Хутором Боги; собаки лают во дворах...

— Ребята, если бы ещё дня 3–4 поголодали, я бы собаку сожрал, — говорит Анатолий.

Все смеялись до упада.

Ну вот, короче говоря, так все нормально проходило: говорили между собой, общались, телефонами обменивались, а потом, значит, 17 числа кто-то поехал покупать билеты. Т. е. 17 апреля можно уезжать. 17-го числа, как Он и сказал: «Ты будешь жить у меня по десятое, — и 10-го Он умер. А уедешь от меня семнадцатого».

И 17-го я уехал.

Вот я и думаю, это же надо, Учитель всё наперёд уже знал, всё наперёд знал! И Он сделал так, чтобы я побывал Там, попросил за весь народ.

Уверяю вас, события, которые произошли у нас в стране в 91 году, могли бы быть, о-ой, какие крутые для нас, уверяю я вас! Страна бы рассыпалась, сама Россия! И рассыпалась бы на 7–8 областей! И крови было бы пролито..., и миллионы трупов.... Всего этого я просил у Него, чтобы не было. Там всё это было видно, как развивается страна.

И, Слава Богу, всё обошлось! Слава Богу, обошлось! Т. е. развал был с минимальными потерями! Вот так! Республики-пиявки, жившие за счёт России, отвалились. И Слава Тебе, Господи! Всем мы, русские, помогали, поддерживали, защищали, и для всех оказались плохими. Кого Бог хочет наказать, того Он лишает разума.

Но вот, на этом весь мой рассказ, что я вам говорил!

— СПАСИБО!

— Да не за что.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Post Scriptum

— А про арбузы?

— Арбузов не было тогда.

— Мочёные арбузы!?

— А-аа, привозили, привозили. Учитель просил мочёный арбуз. Ему мочёный арбуз какая-то женщина привезла.

— Ну, а ножка..., одна у Него была полненькая, а другая нормальная, — спрашивает Александр Сопроненко, — так вот, после кончины, как ты их видел?

— Вы знаете, они были, действительно, одна больше, вот так раздута, другая меньше. Так всё и осталось, можете поверить. Я у Него спрашивал, что, не от холодной ли погоды у тебя одна нога больше другой. Он говорит:

— Нет, не от этого, злые люди постарались.

Я помню, когда его пытались убить, вкололи ему какую-то гадость, может, мышьяк вогнали, но обошлось. Он говорил, что всё, что в него вогнали, Он оставил тут, в ноге, т. е. не дал дальше пойти по организму, а то Он просто погибнет.

— Знаете, на фотографии и фотодокументах, у Учителя на лбу проявляется белое пятно, — говорит Вячеслав.

— На фото, возможно, какая-то тень легла, возможно это. Я просто вам скажу. Первая поцеловала Его Валентина Леонтьевна, второй подошёл Наумов Эдуард, под руку я подвёл Якова. Он бился в рыданиях:

«Отец, на кого ты меня оставляешь?», потом я Его целовал в лоб, креста не было, не было.

Мы могли плакать, рыдать, биться в истерике, что от нас ушёл Учитель. Но Он сделал как-то так, что мы не ощутили чувства потери, потери не было. Т. е. Он ушёл, тело ушло, но Он внутренне как-то с нами. Многие говорили, вот у меня умирал тот-то, та-та, и я переживал, рыдал. А тут нет чувства потери. И, главное, у всех. Пожалуй, только у Якова оно было.

— А вы Его не обмывали специально? — был вопрос.

— Да, мы на Него столько воды вылили. Конечно, после, мы Его и так, и так обмыли землю, протёрли тело, поставили дверь на табуретки, дали посохнуть телу на двери лёжа.

— Лёгкий Он был?

— Нет, тяжёлый. Мы Его поднимали человек шесть, наверное. Положили Его в трусах, как Он привык ходить. Руки лежали вдоль тела.

— Аромат цветов от Него был?

— Вы знаете, Он вообще ничем плохим не пах. Но кругом лежали лепестки, они как снег попадали. Но вот что интересно, вот этот холод тут же ушёл. Т. е. три дня было очень холодно, в первый день вообще сильно было холодно, ночью было до минус 2–3 градусов, во вторую, плюс 1–2 тепла. Было прохладно, у меня мёрзли ноги, я пальцы поджимал, а на третью — уже ночью было градусов 7–8 тепла, а днём — градусов 14. А когда мы Его помыли и стали класть в гроб, опять стало 18 градусов. И когда мы Его закопали 15 апреля, а 16 апреля было уже плюс 20–22, а где-то 17-го апреля — опять стало жарко, рубашка на распашку, теплень!

— А Он не говорил про крест на могиле.

— Вы знаете, я Валентину Леонтьевну спрашивал, может, мне временно из дерева крест сделать. Она говорила, что крест ставить не надо.

— А что так? — спрашивал я.

— Не надо, — отвечала она.

Я подумал, может она хочет мраморный или металлический памятник

ник поставить. Ничего этого не надо. Только холмик в цветах.

— А священника не вызывали?

— Не-ет, священников тогда не было. Да, те ребята, которые легли вокруг могилы, ночью закричали, слышался шум, гам, слышалось: «Убью, сволочь!». Все вскочили. Это было времени часа 2–3 ночи. Все бросились сразу к могиле. Весь народ! И мы увидели, что вдалеке светились фары грузовика, бешено удирающего от кладбища. А те, кто сторожил на могиле с лопатами, говорили, мы бы их сейчас зарубили.

Короче говоря, приехали на машине КГБ-эшники, которые хотели отрыть могилу Учителя. Вырыть гроб, а тело забрать с собой. А наши ребята с лопатами им кричали, что сейчас всех их поубивают. И те как пустились наутёк. Только их пятки сверкали — жить-то хочется! Т. е. была попытка вырыть гроб с Учителевым телом.

И когда я уезжал, спрашивал Валентину Леонтьевну, что, может, мне задержаться. Она говорила:

— Толя, ты тут уже столько времени. Здесь будет достаточно людей. Здесь 50 человек живёт.

— Одна попытка была?

— Мы Учителя похоронили 15 апреля. Эта попытка была с 15 на 16 ночью. Но их так шуганули, что они доложили, что там фанатики, зарубят, убьют. Надо ехать с автоматами и перестрелять всех, только тогда можно взять тело. И они решили на крайние меры не идти.

И вот, когда мы уезжали, нас ехало человек 30. Следом, в этот же день должна ехать еще группа, тоже состоящая из 30-ти человек, затем ещё человек 20. Однако столько оставалось народу, что охрана обеспечена на месяц вперёд, что Валентина не боялась за это, а потом тело Учителя интересоваться уже больше никого не будет.

— Саша, а ты когда приехал? — спросил Слава Александра Сопроненко.

— 11 апреля, — был ответ.

— Толя, — говорит Саша Сопроненко, — напоследок, твои пожелания. Ты очень хотел, чтобы были какие-то изменения благодатные

в стране, в людях тогда. И вот теперь, по прошествии 25 лет, какие у тебя сегодня пожелания, мольбы, просьбы?

— Там не мольба... Я же вам сказал, я просил, чтобы не жулью имущество общенародное шло, а порядочным людям, чтоб в стране был кругом порядок и честность...

— Ну, а сейчас, сейчас у тебя какие пожелания?, — повторил Александр.

— Сейчас я на Бугре просил то же самое: побольше Ума да Совести в людях, чтобы не жулики правили бал, а порядочные люди! И двадцать пять, даже десять лет ждать не придётся. С сегодняшнего дня уже пошли перемены.

— Смотрите, — Анатолий достаёт свой нательный крест и снимает его с себя, — я спрашиваю Отца Небесного, — крестится, — Отче наш, дай мне знать, перемены с сегодняшнего дня начнутся в стране? Качайся так, ко мне — от меня. Если нет, слева-направо.

Крест стал качаться «с сегодняшнего дня»:

— Начнутся с сегодняшнего дня!

— В лучшую сторону начнутся перемены?

— Да, об этом я просил на Бугре.

Ведь под это словоблудие они хотят из страны высосать всю нефть, высосать все алмазы, всё золото, вырубить все леса, выкачать все ресурсы, какие только можно, и смыться, и завтра жить в дворцах, окруженные тысячами отрядов прихлебаев, охраны, врачей, красивых дам и прочее, а на народ, страну плевать! Вот те, кто сейчас у власти, у них нет других намерений, нет ничего другого. Они ничего не могут предложить, они банкроты. Они делали коммунизм для себя, а не для народа. Сейчас предлагают демократию. Какая, к чёрту, демократия?

Демократия — это чувство ответственности перед страной и народом. Тут ею близко не пахнет. Один наворовал, там Ельцин со своей бандой, он ушёл уже насовсем. Путин, — 8 лет у власти, — ни «бе, ни ме, ни кукареку». Говорит, говорит, а что говорить, — надо делать! Создайте человеческие условия для людей! А воровство при этом! А теряем-то все мы!

— Можно вас спросить: Вы когда просите, мысленно обращаетесь к Учителю или Творцу, которого Вы видели, когда были на том свете, — спрашивает одна женщина.

— *Слушайте меня: Там, на Небе вокруг Господа Бога, масса очень хороших и добрых людей. Т. е. Они как звёзды вокруг Светила! У нас мы видим Луну, вокруг звёзды. Там, представьте себе, Солнце, ослепительно сияющее, наполненное Любовью, Добротой, Щедростью Необыкновенной. Власть безграничная, власть абсолютная. И вокруг Него люди — звёздочки небольшие, которые показали себя наиболее достойно. Учитель Там! Я обращаюсь и через Него, я обращаюсь к Создателю и напрямую! Я обращаюсь через своего Божьего покровителя, Ангела-хранителя Анатолия! Я обращаюсь через Николая Угодника! Я обращаюсь: Господи, святые Угодники, я для себя ничего не прошу, не надо мне миллионов в бумажках, не надо мне дворцов. Мне надо, чтобы было нормальное отношение к простым и честным людям. Чтобы не было обмана, не было воровства, не было лжи, - этого я не хочу! Этого не должно быть в стране! Те, кто врёт и ворует, должны за это ответить не только в загробном мире, но и здесь, на Земле!*

— Как ты понимаешь слова Учителя «Смерть, как таковую изгонит, а жизнь во славу введёт...»

— В наше смертное тело вложена бессмертная Душа. Она бессмертна! Бес-смерт-на! Нет для неё смерти. А тело смертно. Моё вот тело умерло и возродилось.

— Каждую ночь ведь душа уходит во сне, — слышится утверждение одной женщины.

— Вы знаете, нет! Душа из тела не выходит, она остаётся в теле, потому что, если она уйдёт, — мы умрём.

— Душа бессмертна и у грешных, и у праведных?

— Только грешные уходят в Ад. А праведные — в Рай. Но есть ещё разные миры. Нельзя сказать, что все люди однотипные. У меня было ощущение, когда я вернулся назад, я понял, что есть орёл, а есть воробей, есть страус, а есть и пингвин, есть голубь, а есть ворона. Так и люди.

Они очень разные. Возьмите лебедя, и возьмите колибри.

— Главная цель прихода Учителя на Землю, душу спасти? — спросили люди.

— Господь посылает от себя в душе качества, а дьявол — от себя. И они здесь в борениях между добром и злом, как и я боролся с этой гоп-компанией в ДЭЗе. Мне было это омерзительно! И они уйдут туда, — Толя показывает рукой вниз. — Протунеядствовав, пропьянствовав, нагавив везде и всюду, — они в Рай не попадут. А почему они выбрали такое? Потому что они пришли оттуда! И их перевоспитывать словами бесполезно! Их можно только запугать. Не думайте, что он что-то понял, он просто будет бояться и изображать из себя приличного человека, но это напускное, неискреннее.

— Значит, Толя, главная цель Учителя, его учения, весь его приход, все его страдания, муки ради того, чтобы мы своей жизнью, своими делами победили, как ты говоришь, в обществе эту черноту.

— Победить это нельзя, потому что Дьявол будет посылать всё новых и новых сюда. Это надо как-то изолировать. Понимаете, вот мир нормальных людей, трудовых, честных, порядочных! И мир жулья, — их надо жёстко изолировать от порядочных людей. Вот почему Господь дал людям интернет, компьютеры, чтобы можно было всех людей зафиксировать, кто чем дышит, кто чем живёт.

— А что ты думаешь, они не эволюционируют, не совершенствуются, это жульё.

— Нет, они эволюционируют только в том, чтобы выработать больше способов и приёмов, чтобы других людей обмануть и ограбить.

— Ведь Творцом даётся людям и Свет и тьма.

— Нет, Он тьму не даёт. Он даёт своим детям, кто с Неба пришёл, возможность в этом мире себя проявить. Вот я проявил себя очень полно, очень полно!

Вот я выбрал себе специальность паркетчика. Почему? Я же верующий. Я просил: «Господи, дай мне возможность людям служить, и даже на коленях!». И я вот 40 лет на коленях, будучи паркетчиком, делал лю-

дям прекрасные полы! Вместо того, чтобы у них под ногами лежал паршивый линолеум. Ведь он плохо влияет на жизнь человека, сокращает её на 15, а то и 20 лет. Я везде клал натуральные хорошие полы из дуба, ясеня, бука, и у людей жизнь удлинялась, настроение повышалось в семье. Не из какого-то прессованного мусора, а из хорошего дерева. Т. е. я делал доброе, благое дело. Я так понял: Он мне дал понять, что я доволен твоей специальностью и тем, что ты делал, что умершее дерево ты заставляешь служить людям, им на пользу.

— Когда ты к Учителю обращаешься, ты просишь своим близким здоровья?

— Конечно! Утром прошу, каждый вечер тоже прошу!

— Называешь их по имени?

— Каждого по имени. И мысленно представляю себе его или её лицо. Я вот представляю там: Пётр Николаевич, Зинаида Ивановна, Полина Девна, Вера Ефимовна, т. е. я их всех представляю и прошу им здоровья! Дай, Господи! Дай мне возможность, чтобы я им мог помогать! Не лиши меня этого, чтобы я мог им материально помогать! Я постоянно раздаю деньги.

Я вот поехал на Украину, к Матлакову, например,...

— Матлаеву, — поправляют Толю.

— Матлаеву, чёрт бы его подрал! Я оставил подарков тысячи на три с лишним, помимо инструмента: современного точила и топора.

Потом пришли к Гале (я не хвастаюсь), просто говорю, всё же было оставлено у Матлаевых, я взял печенья килограмм, магазинчик там никудышный, конфет, банки четыре рыбных консервов. Мне неловко было прийти без подарков к Раисе Прокопьевне и Галине. А потом я с Виктором Зубанёвым скооперировался, и говорю ему:

— Есть здесь приличные магазины? Я готов потрясти деньгами. У тебя ведь есть машина!? Там: 200 гривен, 400, 500 гривен, сколько надо? Я помогу в том, в чём есть нужда.

А там, как раз, дерево пилить нечем и т. д. Я, значит, с ним поехал на рынок, взяли столбы для забора, который уже валится, инструмент, железо, гвоздей, еду, то-сё. Я посчитал, что у меня ушло где-то около ста

долларов. Это на наши деньги где-то тысячи две с половиной рублей, а на их гривны — где-то 500 гривен.

Прекрасно!

— А людям всем, Толя, ты просишь здоровья? — был вопрос.

— ХОРОШИМ ЛЮДЯМ! ХОРОШИМ ЛЮДЯМ! — был его ответ. ВСЕГДА! Есть дрянь, ему я просить не буду, потому что это противоестественно!

— А если просить, например, расширь, Учитель их сознание!

— Вы знаете, если оно у них и расширяется, то только в направлении того, чтобы больше делать пакостей. Если человек изначально пакостит, то лучше его сознание заузить максимально, чтобы он пакостил, как можно меньше. Повторяю: КАКАЯ ОСНОВА?

Вот, возьмите тюркские народы: они же имели власть на нашей территории от Тихого Океана до Москвы, правильно? Кому-нибудь они помогали? Строили они города, строили они в подарок русским что-нибудь, как мы им после землетрясений, катастроф и прочего? — Только грабили, насиловали, убивали в течение тысячи лет. И русские пришли туда, мы этим республикам построили красивейшие города и дома. Все эти республики советские — были искусственными образованиями. И до сих пор мы им помогаем, помогаем. В ответ они нам плюют в лицо. Вот они — плохие люди! Они живут всю жизнь обманом и воровством, а не трудом они живут, как это делаем мы, русские!

— Анатолий, и, напоследок, твои пожелания.

— Мои пожелания всем людям: УМА да СОВЕСТИ побольше! И обязательно, в этой жизни как можно больше СОЗИДАТЬ! Потому что Господь Бог создал этот Мир, а мы должны своими руками сделать его наиболее красивым! Вот сейчас здесь красивое место — это прекрасно! Красивая точка на Земле, где приятно находиться!

— Вот на этой позитивной ноте мы завершим нашу праздничную встречу и воскресный день!

— Спасибо, Анатолий!

— Не за что... Не за что...

И конца и края этому не будет...

Будет история строительства Ташкента после землетрясения в 1966 году...

Будет история защиты Анатолием Советов у Белого Дома в 1993 году...

Попытка открыть своё дело при Ельцинском безвластии, когда 18 раз терялись его документы в управах...

Поездка на Бугор.

Паломничество за выздоровление своего сына Сергея и тёти Веры, которая страдала после ампутации ступней и много, много важного в его и нашей жизни.

Мемуары

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ОДНАЖДЫ ПОБЫВАЛ НА НЕБЕ И ВНОВЬ
ВЕРНУЛСЯ НА ЗЕМЛЮ

Составитель Александр Сопроненко

Редактор Анатолий Макаров

Компьютерный набор и верстка Игорь Панюшкин

Подписано в печать 19.08.17. Тираж 50 экз.